

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра английской филологии и лингвокультурологии

Выпускная квалификационная работа

Магистранта Колесниковой Александры Анатольевны

на тему:

«РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ИДИОМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ
СЦЕНАРИЯМИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ИДИОМ СО СЛОВАМИ *DEVIL*, *HELL*, *ЧЕРТ*, *АД* И ИХ
КВАЗИСИНОНИМАМИ)»

Научный руководитель: доц., к.ф.н. Е. А. Лукьянова

Рецензент: доц., к. ф. н. Е. В. Комаров

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Разные языки – одинаковые идиомы?.....	6
1.1. Представления об идиоме в рамках денотативно-референциальной теории значения слова	6
1.2. Идиома как феномен культуры. Подход к определению идиомы, основанный на принципах фреймовой семантики	12
1.3. Сопоставительные исследования в современной фразеологии	24
Выводы по главе 1	38
Глава 2. Русские и английские идиомы со словами <i>devil</i> , <i>hell</i> , черт, ад и их квазисинонимами в контексте	40
2.1. Анализ полисемии слов <i>devil</i> , <i>hell</i> , черт, ад и их квазисинонимов.....	40
2.2. Сопоставительный анализ русских и английских идиом со словами <i>devil</i> , <i>hell</i> , черт, ад и их квазисинонимами	59
2.2.1. <i>sell one's soul to the devil</i> - продать душу дьяволу/черту.....	59
2.2.2. <i>go to (or through) hell and back</i> – пройти все круги ада.....	66
2.2.3. <i>full of Old Nick, full of the devil</i> - бес сидит в ком, бес вселился в кого.....	73
2.2.4. <i>go to hell in a bucket, go to hell in a hand basket</i> - лететь (полететь) к черту (к чертям).....	76
2.2.5. <i>Between the devil and the deep blue sea</i> – между двух огней.....	79
2.3. Сравнительный анализ идиоматического репертуара со словами <i>devil</i> , <i>hell</i> , <i>черт</i> , <i>ад</i> и их квазисинонимами в английском и русском языках	83
Выводы по главе 2.....	86
Заключение	87
Список использованной литературы.....	89
Список использованных словарей.....	93
Список источников примеров.....	94

Введение

Данная работа посвящена сопоставительному анализу семантики англоязычных идиом со словами *devil*, *hell* и русскоязычных идиом со словами *ад*, *черт* и их квазисинонимами в русле сложившегося в последние годы нового подхода к трактовке идиом как текстовых феноменов.

Актуальность работы объясняется тем, что с появлением корпусов текстов накапливается все больше данных о том, что функционирование идиом в тексте противоречит представлениям об идиомах как о переосмысленных словосочетаниях, значение которых не выводимо из значения их составляющих, характерным для денотативно-референциальной теории. В связи с этим, в последнее время появляется все больше работ российских и зарубежных исследователей, посвященных переосмыслению взглядов на природу идиомы.

Объектом нашего исследования являются идиоматические выражения со словами *devil*, *hell*, *черт*, *ад* и их квазисинонимы, а **предметом** – особенности их функционирования в различных контекстах.

Теоретической основой исследования являются работы российских и зарубежных исследователей по фразеологии (Баранов и Добровольский, Langlotz, Omazic, Толочин) и сопоставительной фразеологии (Piirainen, Райхштейн, Дронов, Wozniak). **Цель** работы состоит в том, чтобы выявить особенности функционирования идиом с компонентами *devil*, *hell*, *черт*, *ад* и их синонимами и их иносказательно-оценочный потенциал в английском и русском языках.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. Рассмотреть современные теории в области фразеологии и сравнить их с положениями фразеологической теории, основанной на идее переосмысления значения;
2. Проанализировать структуру значения слов *devil*, *hell*, *черт*, *ад* и их квазисинонимов на основании контекстов их употребления;

3. Рассмотреть определения исследуемых идиом, предлагаемые фразеологическими словарями;
4. Проанализировать материал корпусов английского и русского языков, выявить особенности функционирования исследуемых идиом в контекстах и сопоставить их с определениями, предлагаемыми словарями;
5. Сопоставить англоязычные и русскоязычные эквивалентные идиомы и выявить их специфику.

Материалом исследования являются фразеологические словари английского языка (Oxford Dictionary of Idioms, Dictionary of American Idioms and Phrasal verbs) и русского языка (фразеологический словарь под ред. Тихонова, фразеологический словарь под ред. Федорова), толковые словари английского языка (Oxford Dictionary Online, Merriam Webster, The American Heritage Dictionary) и русского языка (толковый словарь Ефремовой, толковый словарь Ожегова – Шведовой), корпуса английского языка (the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English) и русского языка (Национальный Корпус Русского Языка), а также различные Интернет-источники.

Для достижения данной цели и решения поставленных задач применяются следующие **методы**: метод семантико-контекстологического анализа лексем и метод анализа идиом с позиций фреймовой семантики, который состоит в выявлении моделей исходных ситуаций, лежащих в их основе, и рассмотрении способов реализации этих моделей в других текстах.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые предложен сопоставительный анализ английских и русских идиом со словами devil, hell, черт, ад и их квазисинонимами в русле фреймовой семантики.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что в ней показан способ сопоставительного анализа идиоматических выражений в русле современного подхода к фразеологии.

Практическая значимость состоит в том, что ее результаты можно использовать в курсах лексикологии и фразеологии английского и русского языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Трактовки идиом, предлагаемые фразеологическими словарями, не отражают их реального употребления в письменной и устной речи, поскольку они составлены с опорой на представления об устойчивости и переосмысленности идиом.
2. Идиомы представляют собой словосочетания, значение которых выводимо из значений слов-компонентов; они обладают иносказательно-оценочным потенциалом, поскольку отсылают к исходной модели ситуации в тексте и устанавливают аналогию с ней.
3. Для выявления особенностей функционирования идиоматических выражений в тексте необходимо производить анализ полисемии слов-компонентов идиомы с опорой на представление о языке как средстве моделирования человеческого опыта, привлекая контексты употребления.
4. Национальная специфичность проявляется на лексическом уровне, поскольку языки по-разному категоризируют человеческий опыт, формируя различные культуры. Среди рассмотренных русскоязычных и англоязычных идиом отсутствуют точные эквиваленты в силу различия значений слов-компонентов.

Объем и структура работы. Данное исследование объемом 93 страницы печатного текста состоит из введения, двух глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы, включающий 18 наименований на русском и 22 на иностранных языках, список использованных словарей и список источников примеров.

Глава 1. Разные языки – одинаковые идиомы?

1.1. Представления об идиоме в рамках денотативно-референциальной теории значения слова

Исследования фразеологического фонда языков начались еще в первой половине XX века, в трудах Ш. Балли, однако в настоящий момент они не менее актуальны, поскольку возникают новые взгляды на природу идиомы, и по данному вопросу отсутствует единогласие.

Ш. Балли в своей работе «Французская стилистика» выделяет две основные группы фразеологизмов: фразеологический ряд или привычную фразеологическую группу и фразеологическое единство. С точки зрения Балли, первый тип характеризуется достаточно свободной связью между компонентами, тогда как во втором связь настолько сильна, что смысл отдельных компонентов этого единства утрачивается (Балли 2001: 89-90).

В отечественную лингвистику существенный вклад внесли работы В. В. Виноградова, в частности, «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», в которых он предлагает свою классификацию фразеологических единиц: фразеологические сращения и фразеологические единства. Фразеологические сращения – «абсолютно неделимые, неразложимые, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» (Виноградов 1977: 141). Фразеологические единства – фразеологические единицы, в которых «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства», например, класть зубы на полку. Таким образом, в основе классификации Виноградова лежит разграничение фразеологизмов по степени связанности компонентов, как и у Ш. Балли.

В 50е – 60е годы идеи, изложенные Виноградовым, продолжают развиваться в трудах А. И. Смирницкого и Н. Н. Амосовой. Эти труды также

стали своего рода «классикой» и надолго определили характер исследований в области фразеологии.

А. И. Смирницкий основными характеристиками фразеологических единиц называет воспроизводимость (существование в языке как готовой единицы), семантическую цельность и эквивалентность слову. К подобным воспроизводимым единицам он причисляет не только фразеологические единицы, но и традиционные словосочетания, собственно идиомы, предложения, входящие в систему языка. Надо сказать, эти критерии принадлежности к идиомам и по сей день редко подвергаются сомнению (за исключением эквивалентности слову).

Идиомами Смирницкий называет словосочетания, характеризующиеся идиоматичностью и экспрессивностью, в основе которых лежит перенос значения. Значение отдельных слов, входящих в состав идиомы понятно говорящим, так же как и необычность их употребления. Например, *take the bull by the horns* 'взять быка за рога', *fish in troubled waters* 'ловить рыбу в мутной воде', *as dead as a door-nail* 'без признаков жизни' и т.д. В отличие от идиом, фразеологическими единицами он считает единицы, утратившие образность, например, *fall in love* 'влюбиться', *take care* 'заботиться' и т.д. От идиом и традиционных предложений их отличает то, что они являются эквивалентами слов (Смирницкий 1998: 209). К числу воспроизводимых единиц Смирницкий относит и предложения типа *How are you? What's the time? Thank you very much! I beg your pardon!* и проч., вошедших в систему языка и получивших статус языковых единиц. Традиционные словосочетания типа *rough sketch* 'черновой набросок', *nice distinction* 'тонкое отличие', *take an examination* 'сдавать экзамен' Смирницкий также считает элементами языковой системы, хотя их нельзя считать эквивалентами слов, и они не характеризуются идиоматичностью. По существу, они в классификации Смирницкого они представляют собой регулярно воспроизводимые связанные словосочетания.

Н. Н. Амосова предлагает классификацию, которая базируется на иных основаниях: в зависимости от контекста, в котором находится единица. Она выделяет два вида контекста – постоянный и переменный. Постоянным контекстом называется контекст, «в котором указательный минимум допускает большее или меньшее количество вариаций в пределах одного и того же семантического результата». Переменным (лексическим и синтаксическим) контекстом – «который определяется подменяемостью слов, входящих в указательный минимум любого из указанных типов». Соответственно, Амосова выделяет два типа единиц – единицы постоянного и переменного контекста (Амосова 1963: 34). Фразеологические единицы она называет единицами постоянного контекста, в отличие от свободных словосочетаний, являющихся единицами переменного контекста. Среди единиц постоянного контекста, она, в свою очередь, выделяет фраземы («единицы постоянного контекста, в которых значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным») (Амосова 1963:59) и идиомы («единицы постоянного контекста, в которых указательный и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания и которые характеризуются целостным значением») (Амосова 1963: 72). Компоненты фраземы тесно связаны между собой, поэтому для воспроизведения ее в речи необходим полный состав. Фраземы имеют различные структуры, например, сочетание прилагательного и существительного (black frost, white day), причастия и существительного (sleeping partner), глагола и именной части (to knit one's brows). В отличие от фраземы, идиома характеризуется неделимостью на составляющие ее части; значение отдельных ее компонентов нерелевантно для понимания значения идиомы, например, mare's nest, red tape, dark horse.

Итак, нетрудно заметить, что классические труды по фразеологии так или иначе восходят к работам Виноградова, они же, в свою очередь, к работе Балли. Именно поэтому в советской, а затем и российской лингвистике

укоренилось представление о двух видах словосочетаний (свободных и устойчивых), а также об устойчивости и переосмысленности фразеологических единиц.

Под устойчивостью А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский понимают структурный аспект идиом (нетрансформируемость) и узуальный аспект (частотность повторяемости выражения в речи носителей); под идиоматичностью – «переинтерпретацию, непрозрачность и усложненное указание на денотат» (Баранов, Добровольский 2008: 50). Очевидно, что даже попытки определить эти критерии выглядят не очень убедительно, потому что речь идет о самых разных аспектах (так, авторы считают переосмысленность и непроницаемость составляющими идиоматичности).

Вероятно, именно отсутствие четких критериев, по которым можно было бы судить, является выражение идиомой или нет, повлекло за собой огромное количество классификаций фразеологизмов.

Так, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют следующие классы фразеологизмов:

- 1) идиомы – «полностью переосмысленные образные выражения» (не баран чихнул, мыльный пузырь, вертеться как белка в колесе);
- 2) фразеологические сочетания, в которых переосмыслен один компонент (закадычный друг, телячий восторг);
- 3) речевые штампы – фразеологизмы, обусловленные определенным стилем и эпохой (потребность отставки, провести референдум);
- 4) паремии (пословицы и поговорки) – воспроизводимые единицы со структурой предложения (Жизнь прожить – не поле перейти);
- 5) клише – «речевые заготовки», связанные с определенными ситуациями (добро пожаловать, прошу прощения);
- 6) крылатые слова – «афористические образные выражения, восходящие к определенному автору или анонимному литературному источнику» (Счастливые часов не наблюдают) (Баранов, Добровольский 2008: 67).

Данная классификация представляет собой показательный пример смешения нескольких критериев разграничения фразеологизмов: происхождения, переосмысленности, воспроизводимости.

Впрочем, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский признают, что во многих современных трудах встречается смешение критериев классификации и терминологии (так, термины «идиома» и «фразеологизм» используются то как полные синонимы, то как гипоним и гипероним).

Также в рамках денотативно-референциального подхода сложилось представление, что идиомы, как и слова, имеют «сложную структуру значения», а именно денотативное значение и коннотации. Под денотативным значением подразумевается «компонент значения, связанный с внеязыковым объектом» (Арсентьева 1989: 38), а под коннотацией – «дополнительная информация по отношению к сигнификативно-денотативному значению; совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-стилистический компоненты» (Арсентьева 1989: 40). Денотативное значение, в свою очередь, рассматривается как совокупность интегральных и дифференциальных сем (мельчайших компонентов значения). Однако, как отмечает И. В. Толочин, такой взгляд на природу значения не отражает суть слова как «элемента языковой системы, обеспечивающей категориальное членение опыта человека»: оценку невозможно отделить от значения слова и также невозможно выделить первичное и вторичное в нем (Толочин 2014: 54). Толочин наглядно показывает это на примере слова «преступник»: оно немислимо без внешней оценки, запечатленной в нем (преступник – плохой человек, потому что он нарушает закон, «преступает» границы, установленные обществом, и потому представляет собой угрозу). Эти представления людей, составляющие суть слова «преступник», невозможно как-то «изъять» из него.

В англо-американской науке представление об идиоме также зачастую размыто. Р. А. Спирс, автор словаря американских идиом и фразовых

глаголов в предисловии к нему пишет следующее: «Many overlapping terms have been used to describe the idiomatic phrases included here: verbal collocations, idioms, idiomatic expressions, clichés, proverbs, set phrases, fixed phrases, phrasal verbs, common phrases, prepositional verbs, and phrasal/prepositional verbs» (Spears 2005: 5). Аналогичную мысль мы обнаруживаем у Э. Пиирайнен: «In English, idiom is sometimes used as an umbrella term for all kinds of fixed expressions» (Piirainen 2012: 33).

Таким образом, можно заключить, что в отечественной (и отчасти англоязычной) науке многие представления сохраняются по традиции, и исследователи, продолжающие использовать эту методологию, предлагают противоречивые определения и классификации. На ранних стадиях развития фразеологической науки таким критерием принадлежности к фразеологизмам служила возможность заменить фразеологический оборот одним словом (Ш. Балли называл это слово идентификатором, а Л. В. Щерба сам фразеологизм называл эквивалентом слова). Однако еще А. В. Кунин писал о том, что наличие слова - эквивалента нельзя считать критерием принадлежности к фразеологическому фонду языка, поскольку многие фразеологизмы не имеют таких слов – идентификаторов. Такие, казалось бы, общепризнанные критерии, как переосмысленность и устойчивость, тоже показывают свою несостоятельность с появлением новых лингвистических данных.

1.2. Идиома как феномен культуры. Подход к определению идиомы, основанный на принципах фреймовой семантики.

Впервые идея о взаимосвязи языка и культуры была высказана еще В. фон Гумбольдтом в 1836 году в труде под названием «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода», в котором он назвал язык «духом народа». Окончательно эти представления оформились в виде гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа в 30е годы, в соответствии с которой родной язык определяет характерные особенности мышления человека. В настоящий момент, проблема связи языка, мышления и культуры постоянно находится в центре внимания лингвистов в связи со сменой научной парадигмы от имманентной, в центре которой находился язык как система, к антропоцентрической, рассматривающей язык в человеке, в связи с его мышлением и практической деятельностью. Многочисленные исследования разных языков доказывают, что культура определяет специфику мышления человека – носителя этой культуры, поскольку основным средством мышления является язык, а культура представляет собой набор устойчивых моделей, сформулированных языком. Усваивая язык, ребенок и иностранец усваивают эти устойчивые модели, заложенные в языке – продукте и составляющей культуры.

Наиболее показательными свидетельствами этой онтологической связи являются сходства и различия в лексике языков разных культур. Д. Мацумото среди наиболее существенных случаев упоминает наличие в одном языке слов, которые отсутствуют в другом, вызванное наличием или отсутствием каких-либо реалий, или большей (меньшей) релевантностью тех или иных характеристик. Например, в русском языке существует всего два слова для обозначения ребенка по отношению к детям тех же родителей – брат и сестра, а в японском – четыре: «старший брат», «младший брат», «старшая сестра», «младшая сестра», что позволяет сделать вывод о большей релевантности возраста для представителей японской культуры. Мацумото

также пишет о том, что в некоторых языках выбор номинации определяется полом и статусом адресата и адресанта (так, к учителю в японском языке необходимо обращаться, используя соответствующую номинацию – «учитель» («сенсей») (это справедливо и при обращении к другим вышестоящим лицам).

Подобные факты наглядно показывают, что представители разных языков обладают различными картинами мира - «целостными глобальными образами мира, которые являются результатом всей духовной активности человека» (Телия 1988: 19). Картина мира представляет собой представления о мире, существующие в сознании человека в вербальной форме.

О. А. Корнилов определяет языковую картину мира как «запечатленный в словах, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) «слепок» национального образа мира, самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры».

Корнилов отмечает наиболее существенные свойства языковой картины мира, которые и обуславливают ее культурологическую ценность: она отражает восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира. «Из поколения в поколение дети, принадлежащие разным языковым сообществам, сначала познают мир специфическим языковым сознанием своего этноса (т. е. наивно, ненаучно, с «точки зрения» своего языка), а лишь затем в процессе жизни в той или иной мере познают фрагменты научного знания о мире» (Корнилов 2003: 15). Результат работы коллективного сознания зафиксирован, прежде всего, в лексике национального языка. Национальная специфичность лексики может определяться несколькими факторами: особенностями национального склада мышления, обусловленного культурой народа (статусными ролями, полом, возрастом: так, еще О. Есперсен упоминает о различиях в лексике

мужчин и женщин африканских народов, вызванных языковыми табу, запрещающими женщинам и юношам, не достигшим определенного возраста, использовать некоторые слова) и объективными различиями природной среды и материальной культуры, которые Корнилов называет сенсibiliями (то есть обстоятельствами, данными носителям языка в непосредственных ощущениях).

А. Вежбицкая пишет о том, что национальная ментальность находит отражение не только в лексике и фразеологии языка, но и на грамматическом уровне. Так, по ее мнению, более активное использование дативной (наречной) схемы в русском языке по сравнению с английским языком показывает, что для русского сознания в большей степени характерно пассивное восприятие событий, фатализм («что-то происходит со мной»), тогда как англоязычному сознанию свойственна активная позиция («я делаю что-то»). Это подтверждается широким использованием конструкций вида «мне тяжело», «мне тошно» в русском языке, тогда как в английском их число весьма ограничено (*it seems to me*, *it occurred to me that* и подобные), и они играют второстепенную роль. «Английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения» (Вежбицкая 1996: 56). Вежбицкая также показывает, что такая известная характеристика русской языковой картины мира, как повышенная эмоциональность, воплощается в лексическом составе русского языка: его лексический состав содержит «активные» эмоциональные глаголы (грустить, радоваться, беспокоиться, тосковать и т. д.), в то время как английский язык располагает меньшим числом таких глаголов (*pine*, *grieve*, *rejoice*, *worry*), и многие из них являются стилистически устаревшими, постепенно выходя из активного употребления. Вежбицкая полагает, что этот факт отражает яркую особенность англо-саксонской культуры, неодобрительно воспринимающей

несдержанно-эмоциональное поведение. Также она отмечает изобилие диминутивов в русском языке, не характерное для английского языка; и этот факт она интерпретирует как существование оттенков эмоций, которые выражает русский язык и которые непередаваемы на английский (например, многочисленные ласковые варианты личных имен – Катя, Катюша, Катенька и т. д.)

Сопоставление лексики и фразеологии разных культур и решение вопроса об эквивалентности представляют собой трудную задачу, поскольку даже человеческий опыт, кажущийся универсальным, в действительности, таковым не является, и это находит отражение в лексике разных языков. А. Вежбицкая последовательно доказывает, что, например, русские слова «грусть» и «печаль» имеют много общего с английским словом «sadness», однако вовсе не являются его абсолютными эквивалентами. Примером лакунарности в языке таитян является отсутствие эквивалентов слова *sadness*, что нельзя считать основанием для предположения, о том, что они не способны испытывать грусть; однако этот факт позволяет утверждать, что в данной культуре эмоция, соответствующая английской *sadness*, является менее значимой, чем в английской культуре. Вежбицкая утверждает, что существуют и универсальные слова, такие как «хороший», «плохой», «думать», «сказать», «хотеть», «знать», и они якобы имеют эквиваленты во всех языках мира. Однако исследователь не учитывает, что, например, русскому «сказать» соответствуют английские «say» и «tell», и таких расхождений найдется немало при сопоставлении этих «универсалий» двух любых языков. Таким образом, национальной спецификой обладают все слова языка.

В свете исследования для нас особый интерес представляют национальная специфичность идиом и механизмы, посредством которых идиомы транслируют культуру. Телия указывает на то, что идиомы (Телия также использует термин «фразеологизм») являются носителями культурно маркированных смыслов, но выражают их специфическим способом: «В коллективной подсознательной

памяти носителей языка сохраняется *интертекстуальная связь* фразеологизмов с тем или иным кодом культуры» (Телия 1999: 14). Таким образом, идиома содержит в себе отсылку к другому тексту культуры, и эта интертекстуальная связь прозрачна для любого компетентного носителя языка, который воспринимает ее буквальное значение лишь как основание для его метафорического смысла и способен осуществить интерпретативную рефлексивную рефлексию.

Телия пишет о том, что основным механизмом передачи культурного кода в идиомах является метафора: «благодаря ему в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» (Телия 1988: 173). Метафорические обозначения, проникая в национальную картину мира, придают ей определенный колорит, соответственно национально-культурным традициям. И, поскольку языковая картина мира обладает свойством "навязывать" говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир, метафора играет существенную роль в формировании национального менталитета.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что в лингвистической науке отсутствует единый взгляд на проблему национальной специфики фразеологизмов. Ряд исследователей считает, что весь фразеологический фонд языка нужно рассматривать как отражение культурной специфики, мотивируя это тем, что посредством разных языков формируются различные картины мира. Сторонники этого подхода считают, что такие единицы языка, как валять дурака, считать ворон содержат ценностные установки, а потому национально специфичны. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой национально-специфичными являются только те идиомы, компонентами которых являются слова-реалии, иными словами, культурной специфичностью обладает лишь малая часть фразеологического фонда языка. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский занимают промежуточную позицию, утверждая, что отнюдь не всякий фразеологизм

обладает культурной специфичностью, однако сведение национальных особенностей к страноведческим реалиям, отраженным в языке, они тоже считают неправомерным. Для эффективного выявления национально-культурной специфики языка Баранов и Добровольский предлагают два подхода: определение национальной специфики рассматриваемого явления языка относительно некоего другого языка (сопоставительный подход) и выявление представлений носителей языка о национальной маркированности тех или иных единиц (феноменов) своего языка (интроспективный подход) (Баранов, Добровольский 2008: 257-258).

В целом, исследователи, занимающиеся вопросами культурной специфики в языке, зачастую, весьма уклончиво пишут о том, где и в каком виде она существует. Они используют такие общие фразы, как «культурная информация» и «культурный код», не сообщая, где именно их нужно искать.

Э. Пиирайнен считает, что для выявления национальной специфики идиом необходимо обращаться к их источникам, однако, как отмечает П. Дронов, выяснить, как возник тот или иной фразеологизм, т.е. с каким из словосочетаний надо связывать его происхождение, как именно шло переосмысление генетического источника фразеологизма, когда возник фразеологизм, каким изменениям он подвергся в языке, сейчас очень трудно. Исследователь также отмечает, что далеко не все фразеологические словари дают исчерпывающие справки такого рода. Нам же представляется, что для того, чтобы судить о культурной специфичности идиом одного языка относительно идиом другого языка, необходимо рассматривать их не как «фразеологические единицы», в соответствии с теорией переосмысления значения, а как словосочетания, в которых все слова сохраняют свое значение. Такой подход основывается на современных исследованиях идиом и их функционировании в языке.

Так, А. Ланглотц подвергает критике «ортодоксальное» представление об идиоме, в соответствии с которым идиомы рассматриваются как семантически нечленимые единицы, и значение которых не определяется

значением входящих в него частей. Являясь представителем нового «композиционного» подхода, он считает, что многие идиомы обладают такой внутренней семантической структурой, которая делает их семантически мотивированными и анализируемыми. Такие идиомы не представляют собой семантических единств и поэтому могут быть разложены на составляющие.

Основным доказательством разложимости идиом он считает тот факт, что вне контекста значение большинства идиом совершенно непредсказуемо. Однако когда они возникают в контексте употребления, то становятся полностью понятными и мотивированными. Так, идиома *pull strings* воспринимается как семантически сложная, потому что ее значение можно разложить на отдельные составляющие. Ланглотц указывает на то, что в контексте данной фразы *strings* означает «личные связи», а *pull* означает «использовать». *Pull* и *strings* не обладают автономными переносными значениями, но их отдельные значения активируются, когда эти слова появляются в контексте. Эту семантическую характеристику он и называет анализируемостью. Тот факт, что идиомы анализируемы, позволяет объяснить большое число модификаций, которые традиционно, в основном, рассматриваются как результат языковой игры.

Ортодоксальная теория, как известно, рассматривает идиомы как сложные слова. Ланглотц на примере диалога, в котором один из говорящих употребляет идиому *by and large*, а второй создает ее вариант *by and not-so-large*, показывает, что если бы идиомы в самом деле воспринимались людьми как сложные слова, продуцирование таких вариантов было бы невозможным. Напротив, существование вариантов доказывает факт, что буквальное значение компонентов идиомы активируются в процессе понимания идиомы.

Процесс понимания идиомы Ланглотц характеризует как сложный когнитивный процесс, во время которого и буквальная, и образная трактовка идиомы воспринимаются одновременно. По мнению Ланглотца, все существующие значения компонентов идиомы уже содержатся в ней. Через взаимодействие этих семантических репрезентаций с контекстуальной

информацией выбирается подходящая интерпретация (буквальная или идиоматическая).

Способность говорящего извлечь смысл из идиоматического выражения, то есть понять, почему идиома имеет то идиоматическое значение, которое она имеет, с учетом его буквального значения, Ланглотц называет мотивацией (Langlotz 2006: 45). Например, идиома *tip of the iceberg* (часть серьезной проблемы или ситуации) может быть мотивирована на основе наших познаний об айсбергах и опасностях, которые они представляют собой для мореплавателей. Как утверждает Ланглотц, существуют также и идиомы, которые не мотивированы для большинства носителей английского, например, идиома *red herring* (информация, намеренно используемая для того, чтобы отвлечь внимание оппонента). Однако критерий, в соответствии с которыми Ланглотц делит идиомы на две группы (знание носителями этимологии той или иной идиомы) представляется достаточно размытым, и далеко не всегда понятно, почему одни идиомы попадают в категорию мотивированных, а другие – в категорию немотивированных.

Ланглотц выделяет три типа мотивации идиом: метафорический, метонимический и символический (*emblem*) (Langlotz 2006: 67-73). Метафорический тип мотивации он иллюстрирует следующими идиомами: *relationship has hit the buffers*; *We're at a crossroads* и т.п., показывая, что в их основе лежит метафора *a love relationship is a journey* (здесь он во многом опирается на теорию Дж. Лакоффа – М. Джонсона). Метонимическая мотивация базируется не на отношениях физической смежности (как можно было бы предположить), а скорее, на более абстрактных заменах причины результатом, результата причиной или целого частью. Например, идиоматическое значение выражений *put up one's sleeves* (усердно работать) и *put one's head down* (работать усердно, сосредоточенно) происходит в результате подчеркивания выдающихся действий (частей) внутри сценариев физической или интеллектуальной работы (целого).

Наконец, некоторое число идиом внутренне структурировано на основе символов. Символы передают стереотипическую культурную информацию, которая может служить как непосредственное основание для мотивации идиом. В качестве идиом с символической мотивацией, он рассматривает такие идиомы, как *a wolf in sheep's clothing*, *cry wolf*, *keep the wolf from the door*. В этих выражениях волк является культурным стереотипом для опасности, голода и зла и поэтому считается символом.

Дж. Филип в своей статье указывает на то, что, по данным языковых корпусов, канонические (словарные) формы не являются преимущественно распространенными в языковом корпусе, и неканонические употребления превышают их во много раз (Philip 2008: 95). Эти нестандартные формы, как правило, мало рассматриваются лингвистами, разве только как броская языковая игра. При этом именно варианты помогают получить больше всего данных о поведении человека. По ее мнению, варианты занимают промежуточное положение между каноническими формами и явными каламбурами и тем интересны, в особенности потому, что могут появляться спонтанно. Также корпусные данные уже на протяжении уже многих лет доказывают, что так называемые «устойчивые» словосочетания в действительности таковыми не являются. Таким образом, по мнению Дж. Филип, которое мы полностью разделяем, исследование идиом невозможно без обращения к языковому корпусу.

М. Омазич также критикует ортодоксальный подход, утверждая, что значение компонентов, хоть и недостаточное для окончательной интерпретации идиомы, играет значительную роль в ее понимании. Она пишет, что, несмотря на то, что происхождение так называемых «непрозрачных» (*opaque*) идиом неизвестно даже носителю языка, но эти идиомы все же вызывают в сознании говорящего образы, которые базируются на метафорических или метонимических представлениях, используемых человеком бессознательно для интерпретации идиом (Omazic 2008: 69). Что касается происхождения идиом, оно зачастую никак не

способствует интерпретации идиом, потому что может быть неизвестно носителям (например, говорящие могут не знать, что слово *humble* в идиоме *eat humble pie* представляет собой результат языковой игры *umbles – humble*). Таким образом, Омазич утверждает, что все идиомы мотивированы для носителя языка, даже и в тех случаях, когда их этимология неизвестна.

Омазич справедливо считает, что интерпретировать идиому носителю помогает, в первую очередь, контекст. Так, если употребление идиомы *burn candles at both ends* вне контекста не слишком информативно, то в предложении *If you keep burning the candle at both ends, you'll end up exhausted* контекст дает подсказки (*clues*). С точки зрения ортодоксальной фразеологии, данная идиома переосмыслена, а значит, не имеет ничего общего с горением свеч, на самом деле. И все же существует логическая связь между образом человека, буквально жгущего свечу и значением этой идиомы. В частности, слово *burn* здесь основывается на метафоре, которая обнаруживается во множестве выражений и обозначает рьяную деятельность и полную отдачу работе (в русском языке, например, известно выражение «сгорел на работе»).

Омазич отмечает, что, в отличие от традиционного взгляда на структуру идиом, с позиции когнитивной лингвистики даже идиомы, кажущиеся «неясными», можно интерпретировать, основываясь на когнитивных механизмах, которые говорящие используют интуитивно, анализируя значение высказываний. При анализе идиомы важными являются такие факторы:

- ✓ знание языка (семантики, синтаксиса, этимологии);
- ✓ анализ дискурса (контекстуальных подсказок);
- ✓ когнитивные механизмы (концептуальная метафора и метонимия, концептуальное отображение текста – источника (*source domain*) в тексте – реципиенте (*target domain*));
- ✓ знания о мире (культурных и исторических фактов, символики).

Восприятие человеком измененной идиомы, по мнению Омазич, также доказывает несостоятельность представлений о ее неразложимости. Для того, чтобы понять измененный вариант, человек должен воспринимать

идиому не как неделимое целое, а как словосочетание, в котором важно значение каждого слова-компонента для понимания целого. Так, идиому *to be born with a wooden spoon* (вариант идиомы *to be born with a silver spoon*) человек не извлекает из памяти, а соотносит с оригиналом, и постичь смысл этой модификации позволяет понимание отдельных слов-компонентов.

М. Свенссон в своей статье показывает, насколько сложен критерий неразложимости «устойчивых» выражений, охватывающий сразу несколько аспектов. Она рассматривает проблему разложимости-неразложимости идиомы как комплекс следующих проблем (дихотомий): мотивированность – немотивированность, анализируемость – неанализируемость, буквальное значение – переносное значение, прозрачность – непрозрачность (Svensson 2008: 82). Под мотивированностью она понимает выводимость значения идиомы из значений слов-компонентов и также, как Омазич, считает идиомы мотивированными единицами. В качестве доказательства она рассматривает идиомы, содержащие обозначения цвета (*black market, white wedding*): цвет *black* ассоциируется в этих выражениях с нелегальностью и пессимизмом, *white* – с чистотой и невинностью, поскольку этим словам присущи соответствующие значения.

И. В. Толочин также считает, что все слова – компоненты идиомы сохраняют присущее им значение, и специфичность идиом обусловлена вовсе не их переосмыслением, а способностью привносить в текст модели других ситуаций, реализуя тем самым свой оценочный потенциал. Именно благодаря тому, что слова сохраняют присущие им характеристики в составе идиомы, текст – реципиент приобретает иносказательную образность. Толочин подчеркивает, что в сознании человека существует исходная словесная ситуативная модель, поэтому он может изменять словесную форму идиомы, и эта возможность варьирования идиомы доказывает, что идиоматическое выражение не является переосмысленным.

Идиомы Толочин называет «элементами словесных моделей опыта с устойчивым оценочным компонентом значения» (Толочин 2014: 180),

поскольку язык представляет собой средство, с помощью которого разнообразный опыт языкового коллектива сохраняется в его памяти. Слово как единица знаковой системы, по мнению Толочина, состоит из означающего, которым является совокупность фонем, и означаемого – определенного человеческого опыта, закрепленного за этой акустико-артикуляторной последовательностью. Как уже упоминалось, идиома разложима на слова, а значит, представляет собой совокупность свойств человеческого опыта и представляет собой не единицу знаковой системы (языка), а явление иного порядка – текстовый феномен, анализ которого возможен только в контексте.

Мы, вслед за И. В. Толочиним и Е. А. Лукьяновой, понимаем под идиомами словосочетания, обладающие иносказательно-оценочным потенциалом, поскольку они отсылают к исходной модели ситуации в тексте и устанавливают аналогию с ней; значение этих словосочетаний понятно говорящим и выводимо из значений слов-компонентов, причем эти слова не переосмыслены.

1.3. Сопоставительные исследования в современной фразеологии

Сопоставительное изучение языков появилось в глубокой древности, однако как научный метод, получивший название сравнительно-исторического, оно оформилось в начале XIX века в трудах А. Х. Востокова, Р. Раска, Ф. Боппа и Я. Гримма. Выявление регулярных соответствий между родственными языками осуществлялось лингвистами сравнительно-исторического направления с целью выявления черт «праязыка» - общего предка сопоставляемых языков. Среди других источников контрастивных исследований И. А. Стернин упоминает лингвистическую типологию, также возникшую в XIX веке в русле сравнительно-исторического языкознания и лингвистику универсалий – направление, возникшее в XX веке на базе лингвистической типологии. Зачастую появление контрастивной лингвистики как науки связывают с выходом книги Р. Ладо «Linguistics across Cultures» (1957).

В отличие от сравнительно-исторического языкознания, изучающего языки в диахроническом аспекте, сопоставительная (контрастивная) лингвистика изучает языки на современном этапе развития, поскольку ее целью является исследование межъязыковых соответствий двух языков, необязательно родственных, для выявления их различий. Как правило, материалом контрастивных исследований служат два языка – исходный язык (обычно им является родной язык исследователя) и язык сопоставления.

В настоящий момент контрастивная лексикология и, в частности, контрастивная фразеология, оформились как самостоятельные разделы сопоставительных исследований, исследующие лексические межъязыковые соответствия с целью выявления национальной специфики значений. По словам Стернина, именно на лексическом и фразеологическом уровнях более всего заметна национальная специфика.

А. Д. Райхштейн пишет о том, что существуют три подхода в сопоставительном изучении фразеологии: сопоставление конкретных фразеологизмов, сопоставление фразеологических групп, наконец,

сопоставление фразеологических систем сравниваемых языков в целом, причем разработанность сопоставительной фразеологии снижается в направлении от уровня конкретных ФЕ к более абстрактным уровням анализа. Несмотря на то, что охватить всю фразеологическую систему языка в рамках одного исследования представляется невозможным, сравнение групп фразеологизмов оказывается более продуктивным для дальнейших выводов относительно всей системы, нежели сопоставление отдельных элементов. Как утверждает Райхштейн, микросистемы «обладают общими и специфическими признаками, присущими всей системе в целом» (Райхштейн 1989: 10).

Э. Пиирайнен в предисловии к своей монографии «Widespread Idioms in Europe and Beyond» («Транснациональные идиомы в Европе и за ее пределами») отмечает, что «фразеологические исследования предшествующего периода концентрировались вокруг представления об уникальности идиом конкретного рассматриваемого языка, отражающих национальную культуру и национальную ментальность подобно зеркалу» (Piirainen 2012: 31). С точки зрения исследовательницы, данный подход несостоятелен, поскольку зачастую ведет к случайным наблюдениям по поводу сходства и различия языков и к попытке выявить национальную (или общеевропейскую) ментальность на основе этих наблюдений.

По утверждению Пиирайнен, невозможно говорить об эксклюзивности «европейских идиом» (как и об уникальности русских, английских, французских идиом) или ограничивать исследования поиском так называемых «европеизмов» (эквивалентных идиом, существующих только в европейских языках). Для того, чтобы доказать подобную «эксклюзивность», пишет она, необходимо проанализировать фразеологический фонд всех остальных 6500 языков, существующих в мире. Среди сторонников «европеизмов» она упоминает Hinrichs (2010), который считает, что существует «общая мировая точка зрения», которая проявляется в пословицах и фраземах, которые распространены во многих европейских

языках. В качестве примера она упоминает и труд Mario Wandruszka: автор анализирует основные европейские языки (немецкий, английский, французский, итальянский и испанский), языки, имеющие продолжительную общую литературную традицию. По словам Пиирайнен, данная работа часто цитируется в контексте европейского лингвистического единообразия, не охватывая, на самом деле, «европейского лингвистического сообщества».

Пиирайнен отмечает, что многочисленные сходства между европейскими языками в области фразеологии привлекали внимание лингвистов долгое время, но, поскольку большинство исследователей не выходило за рамки пяти или шести языков или одного ограниченного региона Европы, существование «общеевропейских идиом» не было подтверждено с помощью достаточных лингвистических данных. По этой же причине автор критикует контрастивные исследования, описывающие идиомы в двух и более языках: «В этих работах собрано множество межъязыковых различий, однако эти детализированные степени эквивалентности не добавляют ничего существенного к пониманию образного языка Европы».

В отличие от этих исследователей, Пиирайнен анализирует 74 европейских и 17 неевропейских языков, принадлежащих к разным языковым семьям и географически удаленных. С помощью 250 сотрудников из разных стран (лингвистов и носителей языков), заполнивших анкеты по своим языкам, Пиирайнен выявила 380 идиом, которые действительно существуют во многих европейских и неевропейских языках. Вместо неудачного термина «европеизм» Пиирайнен использует понятие «транснациональные идиомы» («Widespread Idioms»): «Транснациональные идиомы – это идиомы, которые – с учетом особого культурного и исторического развития – имеют одинаковую или сходную лексическую структуру и одинаковое переносное значение в разных языках, включая географически удаленные и генетически неродственные языки» (Piirainen

2012: 62). Это определение вбирает в себя шесть критериев, позволяющих идентифицировать идиому как «транснациональную».

(I) Географическая удаленность языков

Для того, чтобы считать идиому транснациональной, она должна встречаться в языках стран, которые не являются территориально смежными (соседствующими). По этому критерию исключаются идиомы, которые существуют в нескольких – даже неродственных – языках, но распространение которых ограничено лишь маленькой областью, на которой языки находятся в тесном контакте друг с другом, будь это двуязычная ситуация или взаимодействие языков граничащих государств. В качестве примера Пиирайнен рассматривает идиому, которая произошла от цитаты из драмы «Фауст» Гете. Ее переносное значение можно передать следующими словами: «вот истинная причина, которая скрыта».

фин. *siinä on villakoiran ydin* “in this there is the poodle’s core”

швед. *det är pudelns kärna* “that is the poodle’s core”

дат. *ngt er pudlens kerne* “sth. is the poodle’s core”

нем. *das (also) ist des Pudels Kern* “that (thus) is the poodle’s core”

чеш. *Czech v tom je jádro pudla* “in this there is the poodle’s core”

Пиирайнен считает, что данная идиома не соответствует критерию 1, так как обнаруживается только в соседних языках.

(II) Типологическая удаленность языков

Второй критерий требует существования эквивалентов идиомы в языках разных языковых семей. В соответствии с этим критерием из числа транснациональных идиом исключаются эквивалентные идиомы, которые существуют в более или менее отдаленных регионах, но только в языках нескольких тесно связанных языковых семей. В частности, идиома *to take something with a grain of salt* (BrE *with a pinch of salt*) «верить лишь в часть сказанного, допуская значительное преувеличение» не удовлетворяет

данному критерию, поскольку она существует только в трех индоевропейских группах, но ни в одной из неродственных семей.

(III) Сходная лексическая структура идиом

Идиомы, обладающие сходным переносным значением, но лексические структуры которых при этом вызывают в сознании совершенно разные образы, не могут быть отнесены к одной и той же транснациональной идиоме. В частности, Пиирайнен обращается к ряду идиом, переносное значение которых можно выразить следующим образом: «нести/везти что-либо туда, где оно и так имеется в изобилии».

нем. *Eulen nach Athen tragen*,

дат. *uilen naar Athene dragen*,

франц. *apporter des chouettes à Athènes*,

греч. *κομίζω γλαύκα ες Αθήνας*,

англ. *to carry coals to Newcastle*,

рус. *ездить в Тулу со своим самоваром*.

Все перечисленные идиомы, кроме русской и английской версии, соответствуют критерию 3, поскольку дословно переводятся «нести/везти сов в Афины» и создают единый образ.

(IV) Одинаковое переносное значение идиом

В соответствии с указанным критерием, транснациональные идиомы должны иметь общее переносное значение. Следовательно, идиомы, лексические структуры которых идентичны по совпадению и приводят к расхождению значения (так называемые «ложные друзья»), Пиирайнен не считает транснациональными. Так, немецкая идиома *mit doppelter Zunge sprechen* («говорить раздвоенным языком»), переносное значение которой - «говорить вероломно, говорить одно и думать другое», и датская идиома *met een dubbele tong spreken* «говорить раздвоенным языком», которая при почти идентичных лексических компонентах означает «говорить нечетко, особенно после употребления алкоголя», не являются транснациональными идиомами.

(V) Историческое развитие идиом

С течением времени идиомы могут подвергаться изменениям как на уровне их прямого, так и переносного значения. В частности, они могут адаптироваться, например, к более современным окружающим условиям. Э. Пиирайнен иллюстрирует это положение историей английской идиомы *to add fuel to the flame*, эквиваленты которой существуют во многих европейских языках. Она считает, что идиомы, содержащие компонент со значением OIL, представляют собой начальную или базовую форму, а идиомы, включающие компоненты со значением PETROL и KEROSENE, которые представляют собой сходные концепты, являются производными вариантами. Замена одного компонента другим может происходить лишь в одном языке, как в случае с FUEL в идиоме *to add fuel to the flame / to add fuel to the fire / to fuel the flames / to fuel the fire / to add fuel*, и так далее. Однако, как отмечает Пиирайнен, в английском языке 16 века лишь форма со словом OIL была распространена: *to add oil to the fire; to pour oil on the fire*. Данная форма, несомненно, ближе к источнику идиомы, корни которого находятся в античности, и замена OIL на FUEL является относительно недавним процессом в истории одного лишь английского языка. Во всех остальных языках либо используются компоненты со значением OIL, либо другие названия топлива, например, PETROL.

(VI) Культурные основы и источники идиом

Пиирайнен считает, что истоки идиомы также необходимо принимать во внимание, выясняя, является ли идиома транснациональной, поскольку в диахроническом аспекте сходные образные компоненты могут приобретать различное лексическое наполнение. Говоря об образном компоненте идиомы, Пиирайнен имеет в виду концептуальную структуру, которая выступает посредником между прямым и переносным значением. Она состоит из структур знания, которые можно проследить к различным культурным источникам. Особенно это касается идиом, происходящих из общего

текстуального источника, который вошел в образный лексикон разных языков различными путями. Например, одни и те же сюжеты приходили в разные языки из Библии, басен или сказок независимо друг от друга. В этих случаях внешняя форма идиом существенно варьируется, хотя образный компонент, этот концептуальный мост между прямым и переносным значением, остается неизменным.

Пиирайнен иллюстрирует это положение на примере идиомы, восходящей к разным поэтическим и фольклорным адаптациям мотива басни Эзопа «Лиса и виноград»:

норв. *høyt henger de, og sure er de (sa reven om rognebærene)* «она висит высоко и она кислая» (сказала лисица о рябине)»,

швед. *surt sa 'räven om rönnbären* «кислые, сказала лиса о рябине»,

арм. *aghvesi k`itē vazín ch`hasáv asets` kháka* «виноград висел слишком высоко под носом у лисы, сказала она, и он неспелый»,

фин. *happamia, sanoi kettu pihlajanmarjoista* «кислый, сказала лиса о рябине».

Переносное значение всех этих идиом можно передать следующим образом: «пренебрежительно говорить о том, что говорящий желает, но не может получить, убеждая себя, что оно бесполезно и таит в себе разочарование».

Пиирайнен отмечает, что эти варианты обнаруживают значительные изменения морфо-синтаксической и лексической структуры, включая адаптации окружающей среды (замена ВИНОГРАД на РЯБИНА в скандинавских языках, где виноград не растет). Однако образный компонент, аллюзия на мотив басни, остается неизменным и ведет к почти неизменному переносному значению во всех этих идиомах. Критерий 6 выполняется, и идиома может быть включена в лист транснациональных идиом.

Э. Пиирайнен выделяет несколько типов идиом, в соответствии с культурным источником, от которого они ведут свое происхождение: идиомы, которые восходят к различным аспектам общественной культуры (например, *to throw down the gauntlet* – *бросать/бросить перчатку кому-либо*); идиомы, связанные с различными аспектами материальной культуры

(*to be the fifth wheel (on the coach)* - *быть пятым колесом (в телеге)*); идиомы, имеющие текстуальный источник (*with seven-league boots* – *семимильными шагами*); идиомы, восходящие к вымышленным абстрактным областям (fictive conceptual domains): суевериям, донаучной картине мира; идиомы, содержащие культурные символы (*a cross (somebody has) to bear* – *нести свой крест*). По результатам исследования Э. Пиирайнен, большая часть «широко распространенных» идиом восходит к текстуальным источникам (легендам, сказкам, произведениям классической литературы и высказываниям прославленных деятелей).

Исследование Э. Пиирайнен было проведено в несколько этапов. Первый этап состоял в создании списка потенциальных транснациональных идиом. Этот список создавался на основе крупномасштабного исследования фразеологических словарей и других публикаций по фразеологии.

Второй этап заключался в проведении предварительных тестов. Идиомы, встречающиеся в нескольких языках, были отправлены на исследование экспертам географически и типологически удаленных языков. Результатом стал оставшийся набор из 650 «кандидатов в транснациональные идиомы».

На третьем этапе была создана сеть компетентных сотрудников для исследования максимально возможного количества языков. Десять анкет с «кандидатами в транснациональные идиомы» были отправлены по электронной почте экспертам многих языков, с просьбой ответить на вопросы, основываясь и на их компетенции, и на обсуждениях с коллегами.

На четвертом этапе анкеты были тщательно заполнены и снабжены дополнительными комментариями по поводу отдельных идиом. Таким образом, одной из основных целей проекта Пиирайнен является обнаружение ряда идиом, которые действительно существуют во многих языках на территории Европы и за ее пределами.

Исследование Пиирайнен является одним из наиболее масштабных проектов по сопоставительной фразеологии за последние годы:

исследователь предложила ряд критериев, которые позволяют судить об эквивалентности идиом и предложила их классификацию в соответствии с источниками происхождения. В то же время, незнание исследователем всех рассматриваемых языков накладывает на процесс исследования неизбежные ограничения: она не может проанализировать контексты употребления идиом и структуру значения слов, из которых они состоят. Кроме того, вышеупомянутый метод анкетирования, к которому Пириайнен прибегает для сбора данных, также чреват возможными погрешностями.

П. Ишида в своем исследовании, которое посвящено сопоставительному анализу английских и японских идиом со словами, выражающими значение гнева, пишет о том, что идиомы представляют собой немалую трудность для преподающих и изучающих иностранные языки и для переводчиков. Одним из наиболее проблемных вопросов сопоставительных исследований она считает вопрос о том, как судить, являются ли идиомы двух языков со схожим значением действительно эквивалентными или же они просто отчасти совпадают в значении и употреблении. Она представляет метод контрастивного анализа идиом с похожим значением в разных языках на примере идиом английского и японского языков (Ishida 2008: 276).

Идиомами она считает многословные выражения, обладающие следующими свойствами:

- формальная устойчивость (frozenness): в идиомах, как правило, не происходит замены или устранения компонентов или изменений в структуре фразы;
- синтаксическая устойчивость: идиомы устойчивы к грамматическим операциям таким, как пассивизация;
- семантическая устойчивость: значение идиомы не складывается из значения составляющих ее компонентов.

Однако она утверждает, что идиомы все же варьируются в рамках каждого из этих критериев: есть те, которые показывают высокую степень

проявления указанных свойств (и их она считает прототипическими), а есть те, которые проявляют низкую степень (и они находятся ближе к свободным словосочетаниям).

Она полагает, что для того, чтобы идентифицировать семантические соответствия между идиомами двух языков, необходимо проанализировать семантическую (фреймовую) сеть обоих языков, а также то, каким образом идиомы на самом деле используются в контексте. Как указывает Ишида, использование корпуса необходимо для сопоставительных исследований, потому что он позволяет выявить примеры использования, которые отражают семантические различия – примеры, которые не всегда можно выявить одними лишь наблюдениями носителя языка. Она указывает, что одной из предпосылок исследования является выявление как сходств, так и различий между идиомами двух языков.

В результате проведенного анализа она заключает, что английские и японские идиомы можно дифференцировать по признаку «продолжительность» - «мгновенность». Так, если идиома может обозначать продолженное действие с *ing* и аналогичной формой в японском языке, то она имеет характеристику «продолжительность» (*see red*), если она не употребляется в такой форме – она считается «мгновенной» (*bite smb.'s head off*). Однако не все идиомы можно охарактеризовать как «продолжительные» или «мгновенные», некоторые имеют «статические» характеристики. Это относится к таким идиомам, как «*be hot under collar*», которые содержат статический глагол *be*.

Во-вторых, английские и японские идиомы она делит на две группы в зависимости от того, как они изображают время, предшествующее ситуации гнева. Это разделение осуществляется исходя из того, с какими наречиями они сочетаются. Если контекст содержит отсылки к ряду событий, вызвавших ситуацию гнева и наречие *finally*, употребляется одна группа идиом (например, *let off steam/blow one's stuck*), если же контекст и наречие *suddenly/immediately* свидетельствуют о том, что между событием,

вызвавшем гневную реакцию и этой реакцией прошло совсем мало времени, используются совсем другие идиомы.

Также она утверждает, что идиомы английского и японского языка могут быть разделены на 2 группы по принципу «постепенная – быстрая реализация». Речь идет уже не о времени, предшествующем гневной реакции, но о ней самой. К первой группе относится, в частности, идиома (smb.'s blood boils), именно потому возможно сказать «my blood started to boil», тогда как употребление *I started to see red невозможно.

Наконец, она отмечает, что хотя исследуемые идиомы, в основном, направлены на некий внешний объект, существуют также и идиомы, характеризующие ситуации, в которых гнев говорящего направлен на него самого или его собственное поведение. Однако она отмечает, что такие идиомы встречаются, в основном, в японском, нежели в английском. Так, только идиома blow/let off steam может использоваться в ситуации, когда говорящий зол на себя, тогда как в японском таких идиом гораздо больше.

Таким образом, Ишида делает выводы о национально-культурной специфичности идиом, исходя из анализа контекстов идиом, и привлекает в качестве источника языковые корпусы.

Д. Шонфельд исследует в своей работе связи языка и культуры на уровне коллокаций. Она считает, что коллокации, как привычные сочетания слов, отражают опыт носителей языка (знания, которыми владеют все носители этой культуры). Коллокациями она называет фразы или фрагменты в предложении, отбор слов в которых несвободен (сюда же она относит и идиомы) (Schonefeld 2007: 137). Важной чертой коллокаций, очевидной для человека, изучающего язык, является их языковая специфичность, которая делает их непредсказуемыми для иностранца.

Д. Шонфельд также отмечает, что сходные или сравнимые ситуации, переживаемые людьми во всем мире, отнюдь не обязательно воспринимаются и выражаются одинаково на разных языках: они по-разному

структурируют реальность. Поэтому коллокации содержат указание на специфичные культурные модели.

В своем исследовании она рассматривает коллокации со словами *hot*, *heiß* и горячий/жаркий. Однако большая часть исследования посвящена не самим коллокациям, а анализу слов *hot*, *heiß* и горячий/жаркий, поскольку исследователь считает, что именно значения этих слов влияют на сочетаемость с другими словами. Так, слово *hot*, употребленное в прямом значении («имеющий высокую температуру; вызывающий ощущение жара») обнаруживается в семантическом поле «погода» и «еда» (*hot summer, weather, sunshine; hot milk, drink, tea*). Необходимо отметить, что в том, как исследователь определяет значение слова *hot*, отмечается некоторая тенденция следовать за словарными определениями: восприятие тепла и холода (а не температуры) является базовым человеческим опытом, и даже ребенок, не имеющий представления о шкале измерения температуры, быстро усваивает, что горячие предметы опасны.

Также, как и Ланглотц, метафору она считает основным способом образования производных значений слова, причем под метафорой она понимает процесс переноса характеристик со слова-источника на слово-реципиент (*mapping*). Метафорически употребляемые слова «разоблачают» источник метафоры (*source domain*) своим буквальным значением, и контекст тоже дает подсказки относительно источника. Именно поэтому она рассматривает эти слова в контексте. Для поиска контекстов используются языковые корпуса трех языков: русского, немецкого и английского.

Шонфельд отмечает, что, как показывают контексты, слово *hot* имеет следующие производные значения:

- ✓ имеющий/чувствующий/вызывающий сильные эмоции
- ✓ чувствующий/вызывающий сильные ощущения
- ✓ приближающийся к завершению
- ✓ опасный

Основное значение слов жаркий/горячий, по ее мнению, совпадает с основным значением слова hot. Разумеется, оба этих слова являются гораздо менее полисемантическими, чем слово hot, притом слово «горячий» обнаруживает большую частотность и многозначность, как отмечает автор.

По результатам исследования Шонфельд, обнаруживается, что в структурах значения двух русских слов, английского и немецкого слова наблюдаются следующие расхождения: когда речь идет такой эмоции, как нетерпение, в английском языке она не вербализуется с помощью слова hot; в русском языке слова «горячий» и «жаркий» не употребляются для характеристики вождления; в немецком соответствующая единица не используется для характеристики вкуса. Невозможно не отметить, что выводы автора поспешны: будучи носителем немецкого языка, Шонфельд неоднократно отмечает, что некоторые контексты не обнаруживаются в корпусе немецкого языка, хотя и существуют в языке. Так же и мы замечаем, что в русском языке существуют словосочетания «горячие парни», «горячая штука» и подобные им, даже если это не нашло отражения в корпусе.

Таким образом, рассмотренные нами исследования в области сопоставительной фразеологии свидетельствуют о ряде значительных изменений, произошедших в связи с изменением представлений о природе языка как знаковой системы: рассмотрение каких бы то ни было явлений языка стало невозможным вне человека и его деятельности; в связи с этим, изменился подход к идиоме, которая стала рассматриваться как реализуемый в различных текстах культурный сценарий, и, соответственно, изменились методы анализа идиомы. Наконец, наметились тенденции выработать более четкие критерии для определения культурной специфики идиомы одного языка относительно идиомы другого.

Наше исследование идиом со словами devil, hell, черт, ад и их синонимами проведено с учетом достижений современной фразеологической теории, и потому оно состоит из двух частей: нами выполнен анализ полисемии вышеупомянутых слов, и предложены дефиниции каждого из них

на основании контекстуального анализа; проведен сопоставительный анализ эквивалентных идиом русского и английского языков и сделаны выводы относительно их культурной специфики.

Выводы по главе 1

В первой главе нашего исследования были рассмотрены ортодоксальный (денотативно-референциальный) и современный (культурологический) подходы к природе идиомы, а также рассмотрены некоторые сопоставительные исследования, выполненные в русле современного подхода, с использованием языковых корпусов и привлечением текстуального анализа. На основании рассмотренных работ, можно прийти к следующим выводам:

1. Представление об идиоме как о переосмысленной и устойчивой единице, характерное для денотативно-референциальной теории, до сих пор разделяется многими учеными, несмотря на то, что данные о реальном функционировании идиом в речи, которые стали доступны благодаря развитию корпусной лингвистики, доказывают несостоятельность этого положения.
2. Идиомы представляет собой культурно значимые явления, поскольку они функционируют в тексте как отсылка к некому культурному сценарию, соединяя два текста (текст – источник и текст – реципиент). Идиомы разложимы на слова, и значение слов-компонентов понятно говорящим. Значение идиоматического выражения складывается из значения слов – компонентов. Идиомам свойственна вариативность (изменения грамматических форм, замена одного или нескольких слов-компонентов), которая не препятствует пониманию.
3. Сопоставительный анализ идиом может быть осуществлен только на основании реальных контекстов их употребления в письменной и устной речи с использованием языковых корпусов. Анализ полисемии слов, входящих в состав идиом, и контекстуальный анализ идиом, содержащих эти слова, позволяет выяснить, отличаются ли культурные сценарии, лежащие в основе сопоставляемых идиом. На основании этого

сопоставления делаются выводы о культурной специфике идиоматических выражений.

Глава 2. Русские и английские идиомы со словами *devil, hell, черт, ад* и их квазисинонимами в контексте

2.1. Анализ полисемии слов *devil, hell, черт, ад* и их квазисинонимов

В настоящей главе будет произведен сопоставительный анализ фразеологизмов, полученных методом сплошной выборки из следующих словарей: Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs, Oxford Dictionary of Idioms, Фразеологический словарь русского литературного языка под ред. А. И. Федорова, Фразеологический словарь русского языка под ред. А. Н. Тихонова. На основании материала двух англоязычных и двух русскоязычных словарей составлено два списка фразеологизмов, представленных ниже. В составе этих списков содержатся фразеологизмы английского языка и русского языков со словами *devil, Old Nick, hell, черт, дьявол, Сатана, нечистая (сила), нелегкая, ад, Геенна*. Все эти слова в своем основном значении являются вербализованными представлениями человека о сверхъестественных злых силах, населяющих ад или словесным выражением представлений об аде. Необходимо отметить, что мы рассматриваем только те слова, которые содержатся в обнаруженных нами идиомах (именно поэтому мы не производим анализ слова *Satan*, например). Полученные нами списки идиом имеют следующий вид:

- I.**
1. beat the hell out of	10. to (<i>or</i> through) hell and back
2. devil to pay	11. go to hell in a bucket, go to hell in a handbasket
3. go to hell, go to (the devil)	12. hell for leather, hell-bent for leather
4. all hell broke loose	13. hell on a holiday
5. between the devil and the deep blue sea	14. hell on earth
6. come hell or high water	15. hell's bells (and buckets of blood)
7. don't give a hoot (in hell's hollow)	16. hell's half acre
8. full of Old Nick, full of the devil	17. like a bat out of hell
9. give the devil his (her) due	18. devil's advocate
	19. sell your soul (to the devil)

20. sup (dine) with the devil
 21. the world, the flesh, and the devil
 22. through hell and high water

23. until (till) hell freezes over

II.

1. бес в ребро
 2. вертеться как черт перед заутреней
 3. вывернуть черта наизнанку
 4. Геенна огненная
 5. дантов ад
 6. знаться с нечистым/нечистой силой
 7. к черту на кулички
 8. как будто черти горох молотили *на чем-л./ком-л.*
 9. как черт от ладана
 10. катиться к чертовой матери/бабушке
 11. лезть к черту на рога/в зубы
 12. лететь/полететь к чертям
 13. лукавый/черт/Сатана /дьявол/бес вселился *в кого/сидит в ком/попутал кого/двинул кого/догадал кого/дернул кого*

14. на лице черт/черти в свайку играли
 15. на чертов клин
 16. черт/нелегкая/лукавый тянет/дернул(а) за язык *кого*
 17. нелегкая/лукавый/дьявол/черт носит *кого/ унес(ла) кого/занес(ла) кого/принес(ла)кого*
 18. поймать черта за хвост
 19. провалиться к черту
 20. продавать/продать душу дьяволу/черту
 21. пройти все круги ада
 22. сатанинское племя
 23. хоть черту в дядьки *кто*
 24. черт ногу сломит
 25. черта лысого/беса лысого
 26. чертенята в глазах у *кого*
 27. чертов сын
 28. черту (не) брат *кто*

Среди представленных единиц имеются как идиомы, так и единицы, в статусе которых можно сомневаться. В связи с этим, в данном разделе мы проанализируем слова *devil, hell, Old Nick, черт, дьявол, Сатана, бес, ад, Геенна* на предмет полисемии для того, чтобы отделить идиомы от обычных словосочетаний, в которых реализованы лексико-семантические варианты рассматриваемых слов.

Полисемантический анализ, в соответствии с теорией И. В. Толочина, позволяет выяснить, какие сферы человеческого опыта представлены в том или ином слове и какой элемент значения остается неизменным. Для поиска этого неизменного элемента значения - интегральной категории слова – мы проанализируем контексты употребления рассматриваемых слов.

Прежде всего, обратимся к трем англоязычным словарям – Merriam Webster, The American Heritage Dictionary и Oxford Online – и посмотрим, каким образом в них показана структура значения слова *devil*. Во всех трех словарных статьях выделено существенное количество значений (8 – в словаре Merriam Webster, 9 – в The American Heritage dictionary и Oxford Dictionary Online), однако, как будет показано далее, эти объемные толкования избыточны, поскольку некоторые из дефиниций несколько не способствуют прояснению значения слова, а, напротив, усложняют понимание. Так, Merriam Webster в качестве одного из значений предлагает следующее: «*devil = fellow*», снабдив дефиницию комментарием «*usually used in the phrases poor devil, lucky devil*». Однако, понятно, что далеко не во всех случаях лицо, охарактеризованное как *poor devil*, можно также назвать *fellow* и наоборот. Кроме того, по данным BNC (British National Corpus) и COCA (Corpus of Contemporary American English), в английском языке возможны также словосочетания *smart devil, silly devil, little devil, dirty devil, wretched devil* и другие, следовательно, для выделения подобного значения нет никаких оснований.

В качестве двух первых значений представленные словари почти единогласно выделяют следующие: 1. *the major personified spirit of evil, ruler of Hell, and foe of God*, сопровождаемая пометами *used with the, often capitalized*; 2. *an evil spirit; a demon*. В словаре *The American Heritage dictionary* значение 2 (*a demon*) вовсе отсутствует. Тем самым, можно заключить, что употребление артикля *the* возможно лишь перед словом *devil* в первом значении. Однако это противоречит правилам грамматики английского языка, и подтверждением тому могут служить следующие примеры:

1. He then began chanting in Latin, commanding **the devils** inside her to reveal themselves.
2. Scared of **the devils** and jinns, she wears on her chest an ornate silver cylinder containing a message written by the sheik himself.
3. One acts decisively only in the conviction that all the angels are on one side and all **the devils** on the other.

4. It was like being in hell, because you are awakened as a child expecting a world that is loving, that's hopeful, and that's nurturing, and you find yourself face to face with **the devils** of hunger, the devil of hate, the devil of oppression.

Как показывают примеры из корпусов, представленные ниже, выделение значений 1 и 2 оправданно, однако «демаркационной линией» является не употребление определенного артикля, а категория числа: *devil* в первом значении употребляется исключительно в единственном числе, будучи обозначением уникального объекта, тогда как *devil* во втором значении употребляется как в единственном, так и во множественном числе:

1. Ghosts, fairies, dragons, giants, **the devil** and visitors from space have all been brought in at one time or another.

2. He who does what is sinful is of **the devil**, because the devil has been sinning from the beginning.

3. Maybe she had a dragon or **a devil** tattooed on the small of her back, or a Playboy bunny on her lower abdomen, now stretched and mutated by her pregnancy, that "baby thing," as she called it.

4. Yeah, now she might have been **the devil**, or **a devil** at least.

В примерах 1, 2 слово *devil* употреблено в значении 1, что явствует из контекста, тогда как в примере 3 – в значении 2. Пример 4 особенно показателен, так как подтверждает необходимость выделения обоих этих значений.

Теперь обратимся к некоторым контекстам, иллюстрирующим опыт человека, вступающего в контакт со сверхъестественными силами, обозначенными словом *devil*:

1. It is a bait of **the devil to catch the unexperienced and thoughtless.**

2. The figure called himself **the devil** and declared that **he had come for Gary's life.**

3. Robert Askins's black comedy, about a mild Christian boy whose hand puppet may (or may not) be **possessed by the Devil**, is as outlandishly funny as it is **seriously spooky.**

4. The **devil ain't lazy, no siree. He likes to see us fight and fuss, makes us mean enough to cuss, then he blames it all on us.**

Во всех подобных примерах встреча с этой сверхъестественной силой оказывается крайне негативным и нежелательным опытом, сопряженным со смертью, болезнью, нравственным падением и т. п. Поэтому данное значение

слова *devil* мы сформулировали следующим образом: «Evil supernatural force forcing humans to do harm to themselves and others».

Рассмотрим теперь другой, не менее обширный ряд контекстов употребления, также взятых из BNC и COCA:

1. 'The next day, I decided to have my revenge on Heathcliff, by telling Hindley that 'that **devil**' had hit and kicked him when he was unconscious.
2. The cook announced loudly that the bogey was a dark **devil** from the Negro or Arab races.
3. Green eyes slanted up at him. "Silver-tongued **devil**. But you're wrong. I don't take gifts from strangers."
4. When she lifted her head she saw him, the big man, the **devil**, coming straight at her from the parking area.
5. Clytemnestra would come out badly from a fight with that big black **devil**.

Представленные контексты показывают, что данное значение отражает иную сферу опыта: человек называет словом *devil* не сверхъестественные силы, а другого человека, обладающего качествами, которыми наделяется *devil* в первом значении: злобой, опасностью. Возникновение этого ЛСВ происходит в результате категоризации опыта по аналогии между двумя сферами. Данное значение мы определяем так: «an evil, dangerous person characterized as if he/she were DEVIL 1».

Кроме выше указанных основных значений слова *devil*, в контекстах обнаруживаются также его метонимические расширения. В примерах, представленных ниже, слово *devil* также именуется человеком, однако, как следует из контекстов, он характеризуется как объект, подверженный действию деструктивных сил и потому вызывающий сочувствие, либо насмешку.

1. **Lucky devil** recovered everything but one essential acuity. Lost his sense of smell, you know.
2. Gianpaolo's a **little devil**. He's always running around being naughty.
3. «Good God», she said again. **Poor devil**. Yes, he's quite dead, I fear.
4. **The silly devil** believed in love at first sight, even at his age, and thought that Anne adored him too.

Данное значение мы определяем следующим образом: «the person treated with the sense of superiority because of their irrational behavior or

miserable condition, which is perceived as a nuisance, but not a source of grave danger».

Еще одна группа контекстов указывает на существование значения слова *devil*, отличного от выше указанных. Во всех подобных случаях слово *devil* не является номинацией человека или сверхъестественных сил, а называет какое-либо положение вещей, вызывающее у человека негативные эмоции, и которого он предпочел бы избежать.

1. Barring a president who can infuse us with the political will to roll out a Jimmy Carter-style conservation plan, electricity demand will continue to rise. We may be stuck with our **devil of** a dilemma.
2. If nobody bought your art, you had a **devil of** a time making more of it.
3. He won't give up command unless and until there's clear evidence one of his family had something to do with the murder. And he's invited me to ferret out that evidence, if I can. What a **devil of** a task.
4. Just try unpotting a root-bound vine attached to a trellis and replanting it in a new, larger container with root ball and soil intact. No tragedy, but one **devil of** a mess.

Данное значение является производным от первого значения от слова *devil* (сверхъестественные силы), а потому мы формулируем его так: «Unpleasantly provoking or difficult situation characterized as an instance of limited contact with *devil* 1».

Наконец, слово *devil* часто обнаруживается в одном из подобных контекстов:

1. Penry's eyes narrowed. ' **Who the devil's** Julian Parker?'
2. And **who the devil** are you, sir? And what do you want of my daughter?'
3. The teacher **gave the boy the devil for** not doing his homework.

В этих случаях слово *devil* также представляет собой метонимическое расширение, в котором связь со злой сверхъестественной силой ослаблена еще больше, чем в предыдущем значении, что делает возможной замену данного ЛСВ слова *devil* контекстуальным синонимом *hell* (What the devil? – What the hell?) Данное значение слова *devil* может быть охарактеризовано следующим образом: «negative quality of high intensity, partially similar to the contact with the *devil* 1».

С учетом всего представленного выше, интегральная категория этого слова может быть выражена так: «The experience of coming in contact with powerful evil influence leading to major damage».

Аналогичным образом проанализируем структуру значения слова *hell*. В качестве основного значения словари предлагают следующее: «A place regarded in various religions as a spiritual realm of evil and suffering, often traditionally depicted as a place of perpetual fire beneath the earth where the wicked are punished after death» (данная дефиниция взята из словаря Oxford Dictionary Online). Составители словарей знакомят читателя с происхождением слова («nether world», «realm of evil and suffering», «presided over by Satan and his devils» и прочие отсылки к Священному Писанию), однако не пишут о том, каким образом все это связано с повседневным опытом человека (ведь если бы такой связи не было, слово бы вышло из употребления).

Для того, чтобы найти эту связь, обратимся к контекстам из BNC и COCA, подобранным таким образом, чтобы в них четко прослеживалась связь между словом *hell* и ассоциациями, возникающими в связи с этим словом.

1. The show also injected a memory of the finale of Mozart's Don Giovanni. After killing the father of a maiden he seduced, Giovanni encountered a statue of the Commendatore in the cemetery. He sneeringly invited it to supper; to his despair, **the ghost later appeared**, not to dine, but **to drag the callous lecher to Hell**.

2. In return for this they would, in effect, be forgiven those sins they had confessed. This, in turn, would save them from **the prospect of eternal damnation in the fires of Hell**, a fate repeatedly emphasised by the Church as **the consequence of a sinful life**.

3. The epigraph of "Prufrock" quotes a character from Dante who is enclosed in a tongue of fire; he relates his tale only because he believes that the person he is addressing **will also never return from hell**.

Выбранные примеры свидетельствуют о том, что человек чувствует себя незащищенным перед лицом адских сил, поскольку ему известно, что он не безгрешен, и испытывает безмерный страх перед местом, обозначенным словом *hell*, поскольку оно чревато бесконечными страданиями и болью, и

возврат оттуда невозможен. С учетом этого, мы переформулируем определение так: «a place where evil supernatural forces are believed to have full control of human life leading to eternal inescapable suffering».

Рассмотрим еще одну группу контекстов:

1. War is not glorified. Instead, it's seen **as hell, inescapable and tragic**.
2. «I put that woman through **hell** the past 10 years», he said. Bonzano, 33, of south St. Louis, used to ignore the wrath of addiction because booze and heroin were king. **He kept using even when people around him died from overdoses**.
3. Originally known as Juliet, Mukasa describes his early years in Uganda as "hell itself". After he came out as a lesbian at a young age, **his family threw him out**. Over the years, **he has been insulted, fired and beaten**.
4. Japanese university examinations have been notorious for their **high stakes and high pressure** nature. Mori (2002) called that the process of preparing for and taking exams came to be known as examination **hell**.

В подобных примерах речь идет не о месте пребывания злых сил, и, зачастую, вообще не о месте, а о ситуации, которая является настолько нежелательной для человека, что может быть осмыслена как *hell* в первом значении (например, война, травля и т. п.) Слово *hell*, употребленное в таких контекстах, может быть охарактеризовано как «an extremely negative experience characterized as *hell* 1».

Обнаруживается также ряд контекстов, в которых слово *hell* употреблено в значении, отличном от рассмотренных выше:

1. In May Lady Sarah Moon got revenge on her husband. She slashed the sleeves of his 1,000 Savile Row suits and splashed five litres of white paint over his prized BMW. At the time Lady Moon, 54, said: 'It was all so easy and it gave me a **hell of** a buzz, better than drugs.
2. I'd have a **hell of** a time getting a decent job.

Данное значение слова *hell* представляет собой метонимическое расширение основного значения: некая ситуация характеризуется как обладающая некоторыми характеристиками места, называемого *hell* 1. Но, в отличии от предыдущего рассмотренного нами значения *hell* 2, представление о «месте обитания темных сил, в котором человек утрачивает контроль над своей жизнью и подвергается страданиям» здесь ослаблено. Нетрудно заметить, что слово *hell* в этом значении является квазисинонимом

слова *devil*: они взаимозаменяемы. Данное значение можно определить как «Unpleasantly provoking or difficult situation characterized as an instance of limited contact with *hell* 1».

Наконец, последнее обнаруженное значение слова *hell* (эмфатическое употребление), которое также представляет собой метонимическое расширение основного значения, характеризуется минимальной связью с представлением о месте обитания злых сил и также заменимо словом *devil*:

1. How the **hell** should I know?
2. He says he's going along with us—Like **hell** he is!

Так же, как и аналогичное значение слова *devil*, данное значение мы характеризуем следующим образом: «negative quality of high intensity, partially similar to the contact with the devil».

Дефиниция интегральной категории для обоих указанных значений такова: «The experience of getting into extremely torturous conditions where one loses control of one's life». На данном этапе чрезвычайно интересным представляется соотношение интегральных категорий слов *devil* и *hell*: как явствует из контекста, *devil* в любом своем значении представляет собой опыт взаимодействия с активной разрушительной силой, тогда как *hell* представляет собой место или ситуацию, в которые человек «попадает», теряя контроль над своей жизнью. Очевидно, это напрямую связано с представлением о том, что *devil* (злые сверхъестественные силы) сами приходят в мир людей, чтобы сеять вокруг себя раздор, болезни и проч., тогда как *hell* – место, куда человек попадает после смерти.

В русскоязычных толковых словарях обнаруживаются аналогичные проблемы толкования слов. Так, словарь Т. Ф. Ефремовой, который является одним из лучших словарей современного русского языка, предлагает следующее определение слова *черт*: «Сверхъестественное существо, олицетворяющее собою злой дух, злое начало мира; Дьявол, Сатана (обычно в образе человека, но с рогами, хвостом и копытами)». Прежде всего,

необходимо отметить, что автор не выделяет каких-либо иных значений слова *черт*, из чего логически следует, что данное слово других значений не имеет; однако, как будет показано далее, это не соответствует действительности. Кроме того, следуя за данной дефиницией, можно предположить, что слова *черт* и *дьявол* называют один и тот же фрагмент действительности, однако анализ контекстов употребления этих слов свидетельствует об обратном. Не менее авторитетный словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет слово *черт* также, впрочем, не включая в эту дефиницию слова *дьявол* и *Сатана*.

Для того, чтобы предложить свое толкование, мы, как и прежде, рассмотрим ряд контекстов, в которых показано отношение человека к явлению, обозначаемому словом *черт*. Примеры взяты из НКРЯ (Национального Корпуса Русского Языка) и Интернета.

1. Пчельников ведь только по виду добрый христианин, а на самом деле **чёрту** молится, а **чёрт** ему за это **большую силу и власть даёт**.
2. За сто метров пути мозг сам по себе зарегистрировал **восемь азиатов, два кавказца**, и – вот что я от него не ожидал – в подсознании проснулось, зашевелилось что-то **древнее и темное. Какой-то доисторический черт**.
3. То **Черт обманывает** Солдата, то Солдат, проявив смекалку, **добивается выгодных для себя условий**.
4. Это как в сказке, когда **черт приходит за человеком и больше о нем ничего не слышать**.
5. Я боялся темноты, покойников и особенно— ада, в который Бог отправляет грешников, чтобы их там **мучили черти**.

Во всех обнаруженных примерах черт как сверхъестественная сила изображается крайне неоднозначно, в полном соответствии с русскими народными сказками, собранными А. Н. Афанасьевым. Большинство контекстов показывает, что в сознании носителей русского языка, *черт* представляет собой угрозу как воплощение злых сил. В то же время, *черта*, очевидно, невозможно считать аналогом английского *devil*, поскольку последний олицетворяет собой неконтролируемое зло, от которого человек не может оградить себя, тогда как *черта* можно «перехитрить», вступить с ним в переговоры и, в случае благоприятного исхода, даже получить от него

какие-либо блага. Видимо, поэтому черт не вызывает неконтролируемого страха, и человек воспринимает его как «мелкую нечисть». Однако, недооценив *черта*, он также рискует понести непоправимый урон. Все эти элементы значения слова *черт* хорошо видны из контекстов, но словари полностью их игнорируют. Мы же предлагаем следующую дефиницию: «злая сверхъестественная сила, которая причиняет вред человеку, если находится вне его контроля, и приносит определенную выгоду, если человек обретает над ней власть».

Русские толковые словари не упоминают, что слово *черт* имеет и другое значение: так же, как и слово *devil*, оно может использоваться для номинации человека. Обратимся к следующим примерам:

1. Так какой-то **чёрт** в бухгалтерии начальнику нашептал: валенки, мол, пусть получают, а ботинки сдадут.
2. Обоснуешь, **черт** подшконочный, почему путинские тупые?
3. Бездельник! **Чёрт лохматый!** "Подпишите мне, пожалуйста, командировочную". И я-то, дурак, подписал, мать твою... — Он с размаху бросил трубку.
4. Есть же бездельники — на стадионе доброй волей наперегонки бегают. Вот так бы их погонять, **чертей**, после целого дня рабочего, со спиной, ещё не разогнутой, в рукавицах мокрых, в валенках стоптанных — да по холоду.
5. Коротко остриженные седые волосы покрывали угловатую голову, точно серебряной щетиной, а когда старик упорно глядел на кого-нибудь своими маленькими глазками — редкий выносил этот волчий взгляд. — Чего упёрся глазами-то, **старый чёрт!**... — ругались самые отпетые бильярдные завсегдатаи.

Представленные примеры явственно свидетельствуют о том, что человек, которого называют *чертом*, не вызывает у говорящих страха и ощущения опасности, подобно лицу, именуемому словом *devil* во втором значении.

Скорее, отношение говорящего к человеку, называемому словом *черт*, можно охарактеризовать как презрительно-раздражительное. Особенно показателен контекст 2, в котором слово *черт* представляет собой жаргонизм из тюремной лексики. В среде заключенных *чертом* называют человека, находящегося на низкой ступени иерархии, отличающегося неопрятностью и безответственным поведением, не имеющего авторитета среди остальных уголовников.

Очевидно, появление второго значения слова *черт* объясняется уподоблением человека черту по аналогии, в силу существования у них какого-то общего признака (по мнению носителей русского языка): нечистоплотности, хитрости, лени, неприятного вида. Таким образом, слово *черт* во втором значении почти полностью утрачивает компонент значения, связанный со страхом, в этом смысле приближаясь больше к карнавализованному *devil* в третьем (производном) значении, нежели к *devil* во втором значении. Принимая во внимание все эти обстоятельства, дефиницию для данного значения мы сформулируем так: «человек, вызывающий у говорящего негативные эмоции, характеризуемый как *черт* 1».

Итак, дефиниция интегральной категории для этого слова такова: «неприятный опыт взаимодействия со зловредным и хитрым существом/человеком, находящимся на низшей ступени иерархии».

Слово *бес*, также присутствующее в рассматриваемых фразеологических единицах, определяется словарями как «злой дух, искушающий человека». В действительности, контексты, в которых слово *бес* употреблено в этом значении («злой дух»), показывают, что, в представлении человека, *бес* является существом, доставляющим ему различные неприятности, в том числе искушающим; причем в НКРЯ нередко встречаются словосочетания вида *бес чего* (*бес* пьянства, *бес* тщеславия и проч.), вероятно, как реализация представления о том, что к каждому греху «приставлен» свой *бес*:

1. **Бес** похмелья работал всюду: деловито шурувал в висках, дрелью ковырялся в затылке, пилил лоб, царапал горло и колот багром темя.
2. Я шел к вам за тем, за чем приходят туда все, **бес** блуда жестоко мучил меня задолго до того, как я начал терять веру.
3. Об этом говорит святой Иоанн Лествичник: как только мы становимся на молитву, **бес** подползает к нам и нашептывает нам всё, что может нас отвлечь от молитвы.

На основании контекстов, значение этого слова можно определить так: «злая сверхъестественная сила, доставляющая человеку неприятности». При

этом необходимо отметить, что у данного ЛСВ слова *бес* некоторые контексты употребления совпадают с первым ЛСВ слова *черт* (черт как злая сверхъестественная сила), как в следующем случае:

И я вместе с ней не сомневаюсь, что каждому человеку при рождении приставляются **черт** и ангел, оба не оставляют тебя ни на минуту, ангел стоит по правую сторону, а **бес** слева — поэтому нельзя плевать по правую сторону и ложиться спать надо на правый бок, чтобы держать лицо обращенным к своему ангелу и не увидеть во сне что-то плохое.

Поскольку существуют контексты, в которых возможно варьирование слов *черт* 1 и *бес* 1, которые в этих контекстах используются для описания одного и того же опыта, можно заключить, что данные ЛСВ этих слов являются неполными синонимами. О неполной синонимии мы говорим потому, что *бес*, хоть и не представляет собой вселенское зло, все же менее подвластен человеку, нежели *черт*, и потому с ним невозможно взаимодействовать.

Что касается второго ЛСВ слова *бес*, словари его не указывают, хотя контексты свидетельствуют о том, что это слово может использоваться для номинации человека, как и слово *черт*:

1. Червченко был **бес** и виртуоз в понимании психологии людей, везде знал «край», точнее, чуял предел и свел все дело с рукоблудием к тому, что никакого позора и греха он в этом не видит, отклонения, нарушения нравственных норм тоже.
2. **Бес** смотрит непонимающе, его зрачки — словно две спичечные головки. Вмазался, очевидно, не более десяти минут назад. Он что-то бормочет и исчезает, покачиваясь, в глубинах хаты. Я его никогда раньше не видел.
3. Подонок сейчас — человек главный. Мелкий **бес** с томом Писарева под мышкой.

Анализ примеров показывает, что слово *бес* указывает на то, что человек, по отношению к которому оно употреблено, вызывает у говорящего негативные эмоции разной силы (презрение, насмешливое отношение и т. п.), но страха среди них нет. Таким образом, мы можем заключить, что ЛСВ 2 слов *черт* и *бес* также частично синонимичны, на что указывают не только словарные дефиниции, но и взаимозаменяемость этих слов в различных контекстах.

Для ЛСВ 2 слова *бес* мы предлагаем следующее определение: «Человек, вызывающий негативные эмоции, характеризуемый как *бес* 1»; дефиниция интегральной категории слова *бес* такова: «неприятный опыт взаимодействия с существом, доставляющим человеку неприятности».

Как уже было отмечено выше, русские толковые словари определяют слово *дьявол* с помощью слова *черт* и наоборот, создавая тем самым «порочный круг». Так, словарь Ефремовой дает следующее определение слову *дьявол*: «Злое начало, злой дух; Чёрт, Сатана». В действительности, структура значения двух этих слов существенно различается, что будет показано ниже.

Первая группа контекстов содержит слово *дьявол*, употребленное в основном значении:

1. И **наполнил дьявол их сердце гордыней**, и ожесточил его — и показалось им, что они избраны богом.
2. Стоящим кажется, что живот сейчас отделится от Анастасии и оттуда выйдет тот, на кого лучше не смотреть. Ею **овладел Дьявол**, кричат стоящие.
3. Душой наделяет нас Бог (кто такой Бог я не решусь вам ответить), а на земле нашу **душу пытается украсть дьявол** (и часто это ему удается).
4. Все дела человеческие были делами дьявола, ибо **дьявол, потешившись с народами, сиротил их** и оставлял одних на земле.

В соответствии с контекстами, дьявол представляет собой воплощение неограниченного зла, в отличие от черта, который совершает, в основном «мелкие злодеяния»: дьявол овладевает душой человека, подталкивает его к совершению грехов. По всей видимости, данное значение слова *дьявол* совпадает с первым значением английского слова *devil*, «злая сверхъестественная сила, неподвластная человеку, взаимодействие с которой опасно для его жизни и благополучия».

Далее рассмотрим еще несколько контекстов:

1. Отправившись спасти дочь, он начинает войну с настоящим чудовищем — это Орловский по прозвищу **Дьявол**, поклонник искусств, коллекционер бабочек и **жестокий убийца, терроризирующий всю округу и превращающий людей в рабов**.
2. Книга повествует о судьбе и славе одного из самых одиозных правителей в мировой истории — Тимуре (Тамерлане), который подчинил себе более половины существующих тогда государств, возвел в пустыне собственный

Рим с царским тронem, но большую часть жизни провел в седле, истребляя непокорных. «**Злобный дьявол**», «великий монарх», «храбрый воин» — так неоднозначно говорят о нем летописцы, цитируемые на страницах жизнеописания.

Во всех обнаруженных примерах человек, которого называют дьяволом, совершает поступки, выходящие за рамки общепринятой человеческой морали и проявляет свойства, традиционно приписываемые *дьяволу* 1 (коварство, злоба, способность лишить жизни). Слово *дьявол* применительно к такому человеку употребляется в следующем значении: «злой или коварный человек, характеризующийся как *дьявол* 1». Интегральную для этих значений категорию мы определяем так: «опасный опыт взаимодействия со злым и неконтролируемым существом, которое способно лишить жизни и (или) благополучия».

Слово *сатана* русскими толковыми словарями определяется по тому же принципу, что и слово *дьявол*: выделено основное значение («Князь тьмы, властелин ада, злой дух, противопоставляемый Богу» в словаре Ефремовой и «то же, что дьявол, а т. ж. бранно о человеке» в словаре Ожегова и Шведовой), а второй ЛСВ - номинация человека - составителями словаря игнорируется. При этом в словаре Ожегова и Шведовой все же присутствует помета «а т. ж. бранно о человеке», но она не информативна.

Обратимся к первой группе контекстов:

1. **Сатана** соблазнил Адама и Еву ложью, и в основе всего зла, которое охватило человечество и увлекло всю тварь в пропасть, лежит именно ложь.
2. Слово «**сатана**», как вы знаете, по-еврейски значит «противник», это не «черти» в нашем понимании.

В подобных контекстах речь идет о «сверхъестественной злой силе, причиняющей вред человеку», как и в случае со словом *дьявол* в первом значении. И, также как и слово *дьявол*, оно может характеризовать человека, например:

1. На человека с небольшим умом слишком много было расставлено здесь сетей... а тут еще самая красивая женщина, ангел или **сатана во плоти**, вешается ему на шею, нашептывая сладкие слова любви.
2. Вот **сатана!** — бормотал дьяк. — Такого не видал вовеки: пока лютостью не изойдет — входить страховито!

Таким образом, оба ЛСВ слов *дьявол* и *сатана* взаимозаменяемы, и можно, таким образом, говорить об их потенциальной синонимии.

Слово *ад* в обоих словарях трактуется как (1) место, куда души грешников попадают после смерти; (2) невыносимые условия существования, тяжелая ситуация. В словаре Ефремовой представлено еще одно значение: «Душевные муки, нравственные страдания, испытываемые кем-л.» Однако нам представляется, что для его выделения нет достаточных оснований, поскольку такое внутреннее состояние человека, которое можно назвать словом *ад*, может возникать, когда человек попадает в ситуацию или место, которое также воспринимаются им как *ад*, и, таким образом, разграничение внешнего и внутреннего становится невозможным, поскольку в обоих случаях сам человек, характеризующий свое состояние и ситуацию, в которой он находится, является источником оценки.

Обратимся к первой группе контекстов:

1. Как только злые умирают, страшные на вид и ужасающе кривляющиеся демоны с оглушительным шумом являются за душой и, подвергая её невыносимым мукам, вырывают из тела и безжалостно волокут в *ад*.

2. Отверзает и *ад* уста своя и пожирает осужденных и отчаянных грешников...

3. Мощные неземные силы проявляют себя, чтобы ввергнуть в *ад* маленьких людишек, виновных в обычных человеческих грехах...

Во всех подобных примерах *ад* изображается так же, как и *hell* – местом обитания темных сил, скрывающим в своих недрах опасность для человека и потому внушающим ему страх. Поэтому, также как и первое значение слова *hell*, основное значение слова *ад* мы определяем как «место, в котором, в соответствии с религиозными убеждениями, обитают злые сверхъестественные силы, и которого человек боится как источника вечных страданий и боли». Второе значение рассматриваемого слова создается посредством аналогии: крайне неприятная и нежелательная для человека ситуация (место, состояние) называется словом *ад* на том основании, что *ад* как место обитания злых духов и *ад* как ситуация, в которую человек также

попадает против своей воли, имеют общую характеристику: они представляют собой нежелательный и неприятный опыт.

В этом значении (ад как ситуация) слово употреблено, в частности, в следующих примерах из НКРЯ:

1. Есть у великого трагического художника Михаила Савицкого, прошедшего весь ад фашистских концлагерей, страшная картина "Отбор": лежат кругом голые застреленные женщины.

2. Везде ярко горел огонь, дождь раскалённых искр сыпался из каждого горна, лязг железа, громкий крик рабочих, старавшихся перекрыть грохот работавших машин, — одним словом, настоящий ад из огня и железа.

3. Начался сущий ад для ребёнка. Удивлённый до глубины души этой невероятной дерзостью папа перешёл с ремня на провод от телевизионной антенны.

4. Настоящий ад — это когда кто-то близкий умер, ведь безразличная тебе смерть, даже сам страх такой смерти приоткрывает страдающему возможность физически, чувственно ощутить присутствие невидимого мира.

Дефиниция этого значения слова такова: «крайне неприятная или невыносимая ситуация, характеризующаяся как *ад* 1». Интегральная категория для обоих значений может быть сформулирована следующим образом: «нежелательный опыт попадания в чрезвычайно неприятные условия, связанный со страданием и насилием».

Гораздо менее частотное слово *геенна* так же используется носителями русского языка как для обозначения места обитания темных сил, так и для названия крайне некомфортной ситуации, в которой человек оказывается в силу обстоятельств. Так, в следующих примерах слово *геенна* употреблено в первом значении (место пребывания злых сверхъестественных сил, куда человек боится попасть из страха перед грозящей ему расплатой за грехи):

1. Есть *геенна*, в которой душа человека либо уничтожается, если он страшный грешник, либо в течение какого-то времени претерпевает исправительные процедуры, чтобы позже быть помещенной на соответствующий уровень, которого она достигла в результате своего развития.

2. Я думал, что умереть мне так же легко будет, как кинуть в огонь старое платье; но нет, животолубив, видно, человек, и *геенна* адская страшнее ему всех мук земных!

Второе значение этого слова (крайне неприятное место/ситуация) вовсе не отмечено словарями, однако существует в контекстах:

1. Для Достоевского огонь **сладострастия**, «**паучьего**» **сладострастия**, **не был угасим**, для него оно было **геенна огненная**, зажженная диаволами и, быть может, больше чем для кого бы то ни было, уготованная для него самого.

2. «Этот пруд, — замечает современник англичанин Горсей, — был настоящая **геенна**, **юдоль смерти**, подобная той, в которой **приносились человеческие жертвы**; много жертв было потоплено в этом пруду; **рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом** и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола».

В первом случае состояние, а во втором – место характеризуются как похожие на геенну, какой она обыкновенно изображается (языки пламени, людские мучения); на основании этого сходства и осуществляется аналогия. Словарные определения, и – что еще более значимо – контексты употребления свидетельствуют о том, что слова *ад* и *геенна* взаимозаменяемы и могут быть использованы человеком для описания одних и тех же ощущений, то есть оба ЛСВ рассматриваемых слов являются синонимами.

Таким образом, обнаруженные нами ЛСВ и интегральные категории слов *hell* и *ад* обладают сходством: человек, попадающий в ситуацию, характеризуемую словом *ад*, утрачивает контроль над своей жизнью и подвергается ужасным страданиям. Слово *геенна*, которая чаще всего употребляется с эпитетом «огненная», представляет собой синоним слова *ад*. Соотношение английского слова *devil* и русских слов *дьявол/черт/бес* не столь однозначно, в силу того, что английское слово более полисемантично. По этой причине, слово *devil*, помимо основного значения (злая разрушительная сила), обладает большим количеством расширений основного значения, в том числе, такими, в которых наблюдается существенная удаленность от него. Ближайшим эквивалентом основного ЛСВ английского слова *devil*, безусловно, является основной ЛСВ русского слова *дьявол*; слово *черт*, скорее, соотносимо с его производным (карнавализованным) значением, причем это сходство распространяется только на характеристики человека («*silly devil*», «старый черт»). Нами не обнаружено значений слова *devil*, которые можно было бы считать эквивалентными основному значению слова *черт*. Слово *бес* представляет

собой полный синоним слова *черт* во всех контекстах и находится в таких же отношениях со значениями слова *devil*.

2.2. Сопоставительный анализ русских и английских идиом со словами devil, hell, черт, ад и их квазисинонимами

Данный раздел посвящен сопоставительному анализу английских и русских идиом, которые на данном этапе можно назвать «кандидатами» в эквиваленты: такие идиомы имеют схожие, на первый взгляд, переносные значения и лексические структуры.

Анализируя каждую идиому, мы стремимся выявить модель исходной ситуации и затем, на основании анализа контекстов, определить, каким образом эта исходная ситуация накладывается на ситуацию, описываемую в примерах из корпусов и Интернета. Мы придерживаемся данной методики, поскольку рассматриваем идиому как текстовый феномен, в соответствии с новым подходом к их природе.

2.2.1. sell one's soul to the devil - продать душу дьяволу/черту

Среди идиоматических выражений из двух полученных нами списков наиболее очевидными «кандидатами» в эквиваленты являются английская идиома «sell one's soul to the devil» и русская «продать душу дьяволу/черту».

Oxford Dictionary of Idioms предлагает следующее определение английского варианта идиомы: «Do or be willing to do anything, no matter how wrong it is, in order to achieve one's objective». Словарь Merriam Webster определяет ее несколько иначе: «to gain wealth, success, power, etc., by doing something bad or dishonest». Анализ контекстов показывает, что первое определение является неоправданно широким (не вполне понятно, что подразумевается под anything применительно к достижению поставленной цели, кроме того, эквивалентность намерения действию тоже вызывает сомнения); второе определение представляется не вполне точным (всегда ли человек достигает успеха, благосостояния и власти в результате сделки со злой сверхъестественной силой?)

Прежде чем делать какие-либо выводы относительно значения идиомы, посмотрим, что представляет собой модель исходной ситуации на примере краткого изложения сюжета «Трагической истории доктора Фауста» К. Марлоу:

In the fanciful tale of Dr. Faustus, a **man makes a deal with the devil: in exchange for his body and soul, the man is to receive supernatural power and pleasures for 24 years**. The devil agrees to the trade, and Dr. Faustus enjoys the pleasures of sin for a season, but **his doom is sealed**. At the end of 24 years, Faustus attempts to thwart the devil's plans, but **he meets a frightful demise**, nonetheless. This legend works well as a morality tale and as a metaphor for the wages of sin, but the details of its plot are not biblical. (<http://www.gotquestions.org>)

Представляется, что исходная модель ситуации под названием «сделка с дьяволом/чертом» изначально содержит в себе не только представление о благах, полученных в результате взаимодействия со злой и опасной сверхъестественной силой, но и о неизбежной расплате, которая зачастую настигает человека, вступающего в подобную сделку, еще при жизни. С момента заключения сделки человека преследуют мощные негативные эмоции: страх, вызванный тем, что злобное и опасное существо всегда находится неподалеку, ожидая расплаты, которой невозможно избежать, просто «передумав»; раскаяние, которое настигает человека вместе с пониманием, что продано самое ценное – возможность распоряжаться самим собой, своей свободой. Модель этой ситуации можно сформулировать так: «Человек, вступая в сделку со злыми сверхъестественными силами, получает все, что хочет, в обмен на его душу. С этого момента он не может выйти из под контроля темных сил или расторгнуть сделку, как бы ни изменились его желания».

Посмотрим, каким образом данная ситуация реализуется в контекстах, которые не связаны с ней непосредственно:

In a recent interview with The Independent, Nicole Sherzinger – the former lead singer of the Pussycat Dolls – discussed the music industry and what is truly needed to make it. According to her, **female pop stars who receive “industry love” must obey orders, forget about their values and accept to be slutty**. In short, they must be willing participants of the elite's Agenda. In Sherzinger's words: **”To make it, you really have to sell your soul to the devil”**. Indeed, making it in the **industry does not only imply doing things you don't feel like doing – it implies going against the very morals and values you grew up with**. Even worse, it implies

submitting to the dark forces ruling the industry and all of the spiritual sacrifices that come with it.

(<http://www.thetruthseeker.co.uk>)

Рассмотренная исходная модель довольно часто встречается в контекстах, в которых речь идет о шоу-бизнесе: так, в статье, посвященной интервью с Н. Шерзингер, индустрия поп-музыки и те, кто ей управляют, характеризуются как дьявол – сила, вынуждающая девушек следовать законам шоу-бизнеса во имя популярности, даже если эти законы идут в разрез с их нормами морали. Как следует из текста, человек, который намерен преуспеть в этой сфере, должен отказаться от своих ценностей и убеждений – от того, что, во многом, определяет человека как личность.

В отрывке из статьи «How the Famous Sell Their Soul to Satan» (<https://churchpop.com>) описано еще два случая из множества других, когда будущим знаменитостям приходилось сниматься обнаженными или менять музыкальное направление, чтобы подписать контракт, получить роль в кино и т. п.:

1. Every performer comes to a certain juncture when they have to make a **decision between selling their soul and becoming famous or keeping it and slipping back into obscurity**. One of the most well-known early examples was when 1950s blonde-bombshell Jayne Mansfield, whose career was going nowhere, decided **to take her bikini top off in front of eager photographers** while she was among a cadre of unknown pin-ups promoting a Jane Russell film. After that, **studios lined-up to sign her**.

2. Sadly, this rise to fame mirrors many, mostly female starlets, who **quickly gained fame and fortune by selling their souls**. Case in point, in a rather horrific interview, would-be Christian-pop superstar turned “I Kissed a Girl” singer Katy Perry said: “When I was 15, because I grew up in a household where all I ever did was listen to gospel music.... I swear I wanted to be, like, the Amy Grant of music, but it didn’t work out, and so **I sold my soul to the devil**.”

Помимо тех контекстов, в которых человек, «продающий душу», жертвует своими убеждениями, добрым именем и т. п. ради славы, встречаются также примеры, в которых речь идет о нарушении каких-либо норм, установленных обществом или какими-то социальными группами.

Так, на сайте явной антимусульманской направленности www.barenakedislam.com находится видео под названием «Would you sell

your soul to the devil to get Justin Bieber tickets»? Apparently some Norwegian 'Beliebers' would, converting to Islam for a chance at the coveted tickets. Данное видео, по всей видимости, изначально было показано в одном из развлекательных норвежских шоу. По сюжету, «мусульмане» предлагают норвежским девушкам перейти в ислам и исповедовать его всю оставшуюся жизнь в обмен на настоящие билеты на концерт Джастина Бибера. Рассмотрев билеты и убедившись в их подлинности, девушки немедленно соглашаются. Разумеется, они вряд ли собираются исповедовать эту религию после концерта, но их легкомысленное отношение к данному вопросу возмущает людей, разместивших видео на сайте и снабдивших его таким заголовком. В данном контексте ислам и люди, исповедующие ислам сопоставляются с дьяволом, а девушки рассматриваются как нарушительницы норм христианской морали, хотя они едва ли исповедуют какую-либо религию.

Любопытно, что в следующем отрывке, взятом из блога, мы опять обнаруживаем отсылки к религии и шоу-бизнесу:

Is it possible to sell one's soul?

Although I can't be 100% sure, I think it is possible to sell one's soul. I think **blind religious followers and people of no wealth who get extremely rich (especially in the show business) did exactly that.** I'm gradually coming to this conclusion because of my own personal experiences with such people.

For example, I knew a guy who worked for a huge luxury goods company. At the beginning of his career he was **a nice person with his own peculiarities.** However when I met him half a year later, **he was changed entirely. What made him Him, was gone** and he possessed much more wealth. He was so dry, **there was nothing special about his personality.** The spark in his eyes died and I couldn't feel the same relaxing energy about him. He became so alien to me and I couldn't shake off the thought **that he sold his soul for this huge wealth he has now.**

Особый интерес представляет второй абзац, в котором автор описывает свои ощущения от общения с разбогатевшим приятелем. По ее мнению, у религиозных фанатиков, богачей и звезд есть нечто общее: всецело посвящая себя религии, деньгам, погоне за известностью, эти люди вынуждены отказаться от какой-то части своей личности.

В следующем фрагменте из статьи с сайта (по всей видимости, тоже прохристианской направленности) shoebat.com снова прослеживается мысль о том, что человек, «заключающий сделку с дьяволом», отказывается от своих принципов, либо нарушает общепринятые нормы или законы. Интересующее нас выражение содержится непосредственно в заголовке: «**Republican Party Has Sold Its Soul to the Devil, Because it Sold Its Soul to Allah**». В статье идет речь о том, что у некоторых членов американского правительства имеются сомнительные связи с американскими мусульманами (в частности, с членами мусульманского совета (Muslim Council)), поскольку последние якобы связаны с террористическими организациями, и что члены американского правительства на многие факты закрывает глаза, так как эти люди помогли им скрыть какие-то махинации:

A Palestinian-American's ties to the Bush family may go a long way toward explaining why George W. Bush would listen to Grover Norquist and **embrace leaders of Muslim Brotherhood front groups after 9/11**. Norquist is still very much a power player in American politics as president and founder of Americans for Tax Reform (ATR). This is so despite his **verifiable connections to nefarious Muslim groups and individuals**. <...> it simply didn't make sense that **Bush would get in bed with America's enemies just days after the 21st Century equivalent of Pearl Harbor**.

В приведенном отрывке речь идет о том, что Дж. Буш 26 сентября 2001 г. собрал 15 мусульманских лидеров США в Белом доме и заявил, что они недвусмысленно отрицают терроризм, совершаемый во имя ислама. Однако, как утверждает автор статьи, многие мусульмане из окружения экс-президента в разные периоды высказывали мнения, противоречащие этим словам Буша («the teachings of Islam are teachings of peace and good»). Таким образом, Буш в рассмотренном отрывке предстает человеком, совершающим сделку с дьяволом, а в роли дьявола выступают все мусульмане (от террористов до американцев арабского происхождения).

В следующем фрагменте из той же статьи президент Обама предстает человеком, заключившим сделку с дьяволом:

In 2008, there were several figures tied to then candidate Barack Obama that the campaign of Republican Presidential nominee John McCain refused to go after. One of those individuals was Antonin "Tony" Rezko with whom Obama **engaged in a shady land deal that**

should have ended Obama's campaign. Another was Rashid Khalidi, a Palestinian who used to serve as a media spokesman for the PLO and Yasser Arafat.

Таким образом, исходная модель ситуации «to sell one's soul to the devil» по аналогии переносится на ситуации, в которых человек вступает во взаимодействие с какими-либо опасными силами (людьми, организациями, системами), которые помогают этому человеку достичь поставленных им целей в обмен на его отказ от принципов, норм морали, законов и т. п. Данная ситуация подразумевает наличие двух сторон (отдельной личности и «дьявола»), между которыми осуществляется какой-либо обмен, и то, что одна из этих сторон («дьявол») представляет собой явную угрозу для человека, вступающего в подобное взаимодействие. Это подтверждает тот факт, что слово *devil*, как и все остальные слова, полностью сохраняет свои значение (источник зла и опасности), входя в состав идиомы, и о ее переосмыслении говорить не приходится.

Обратимся теперь к русскому варианту идиомы. Что касается определений, предлагаемых фразеологическими словарями, можно сделать вывод о том, что их составители не принимают во внимание иносказательного потенциала этой идиомы. Так, в словаре под ред. Федорова обнаруживается следующее толкование: «Продать/продавать душу дьяволу – по суеверным представлениям: отдавать душу дьяволу в обмен на какие-либо блага».

Однако контексты, разумеется, свидетельствуют о том, что идиома и в русском языке употребляется в переносном значении. Обратимся, например, к отрывку из рассказа Довлатова «Как заработать 1000 рублей». Автор описывает ситуацию, когда он нуждался в деньгах и решил по совету приятеля написать историю про завод:

И вот я сел. Разложил свои газетные вырезки. Перечитал их. Решил на время забыть о чести. И быстро написал рассказ «По заданию» – два авторских листа **тошнотворной елейной халтуры.** <> **Деталей, откровенно говоря, не помню. Перечитывать это дело – стыжусь.** <> В «Неве» мой рассказ прочитали и отвергли. Лерман объяснил:

– Слишком хорошо для нас.

– Хуже не бывает, – говорю.

– Бывает. Редко, но бывает. Хочешь убедиться – раскрой журнал «Нева»...

Я был озадачен. **Я решил продать душу сатане**, а что вышло? Вышло, что **я душу сатане – подарил**. Что может быть позорнее?.. <> Так знайте же, что эта халтура принесла мне огромные деньги. А именно – тысячу рублей. <> Тысячу рублей получил я за эту галиматью.

Итак, для того, чтобы заработать 1000 руб. (а это действительно огромные деньги по меркам 60х гг.), автору пришлось переступить через свои принципы, о чем свидетельствуют его собственные оценки полученного результата: «халтура», «галиматья». Кроме того, исходная ситуация идиомы накладывается на ситуацию, описываемую в тексте, довольно любопытно: ситуацию, в которой журнал, для которого рассказ изначально предназначался, отказывается его брать, автор характеризует как «подарок сатане», потому что он уже отказался от своих убеждений, «на время забыл о чести», однако ничего не получил. Соответственно, «продажей души» можно назвать лишь ту ситуацию, в которой между человеком и «дьяволом» (человек, группа лиц, организация и т. д.) происходит обмен. Поэтому гипотетическую ситуацию, когда человек обретает богатство или славу, не изменив себе, также невозможно назвать «продажей души».

Обратимся так же к небольшому фрагменту из «Рассказов русского инвалида» авторства И. Н. Скобелева:

Часто за кусок хлеба **я готов был продать душу**... но когда удавалось мне украсть что-нибудь, так же **душа изнывала под ударами упрека не совсем еще угасшей совести**.

Этот отрывок показывает, что зачастую еще до того, как наступает момент расплаты с «дьяволом», человек испытывает на себе последствия взаимодействия с этой разрушительной силой. Кроме того, нельзя не отметить, что как в русском, так и в английском варианте довольно частотно варьирование идиомы: в данном случае не упоминается тот, кто покупает человеческие души, в предыдущем отрывке в качестве «покупателя» назван сатана, встречаются и случаи, где им оказывается черт. Впрочем, эти вариации, по всей видимости, не меняют то, каким образом реализуется

исходная модель, несмотря на семантические различия между *чертом* и *дьяволом*, рассмотренные нами выше: идиома сохраняет элемент значения, связанный со злом и опасностью.

Любопытно, что в русскоязычных контекстах часто встречается ироничное употребление рассматриваемой идиомы, не обнаруженное нами в английских источниках. В частности, это относится к следующим примерам, взятым из НКРЯ и к уже рассмотренному нам отрывку из рассказа Довлатова:

1. Когда я был в Цюрихе в крайней нужде, я решился продать душу свою дьяволу и дать расписку собственной своей кровью. Ей-богу, я не шутя это говорю: я призывал его с теплою верою и твердым упованием, но увы! несмотря на все мои призывы, он не явился, и я должен был заложить у жида мой петербургский плащ. С тех пор я перестал в него верить.
2. Сцена появления советской делегации, состоящей почти из двух десятков кагэбэшников, магов, специалистов по карате и возглавляемой полковником юстиции в отставке, вполне достойна пера Булгакова». Сразу понятно было: чтобы одержать идеологическую победу, атеисты готовы продать душу дьяволу.

Таким образом, в ходе анализа англоязычного и русскоязычного вариантов данной идиомы, нами обнаружено, что значительное число ее употреблений в англоязычных источниках связано с представлением об аморальных действиях, совершаемых человеком для достижения определенных целей (преимущественно в сфере политики и шоу-бизнеса); особенно часто с помощью этой идиомы характеризуется вступление в аморальные половые связи и иные поступки, осуждаемые религиозной моралью. В русскоязычных контекстах с помощью этой идиомы описываются ситуации, когда человек нарушает общественную мораль (крадет, обманывает т. д.), и судьей этого человека становится уже не бог, а его собственная совесть.

2.2.2. go to (or through) hell and back – пройти все круги ада

Два этих «кандидата» в эквиваленты обладают различной лексической структурой и, по всей видимости, не идентичным иносказательным значением. Однако прежде чем делать какие-либо выводы относительно их

взаимозаменяемости, обратимся к контекстам их употребления и словарным статьям.

Oxford Dictionary of Idioms предлагает следующее определение идиомы go to (through) hell and back: «to endure an extremely unpleasant or difficult experience». Нам представляется, что данное определение достаточно точно показывает особенности функционирования рассматриваемой идиомы в контекстах, поскольку слово endure подразумевает, что человек остался в живых после перенесенного опыта. Именно поэтому фраза *He endured death звучит странно и требует уточнения (например, He endured clinical death).

Прежде чем говорить об особенностях функционирования идиомы to hell and back в различных контекстах, восстановим исходную модель ситуации, для чего обратимся к следующему отрывку:

The idea of people actually **visiting hell—and returning**—has been a subject of fascination for ages. In ancient biblical times, the inhabitants of the land of Canaan thought that caves and springs were entrances to the underground habitation of gods and goddesses who lurked there during the cold winter months before reemerging in springtime. Across the Mediterranean Sea, the ancient Greeks, and later the Romans, developed elaborate ideas about this unseen underworld. In *The Odyssey*, the epic work by the Greek poet Homer, his hero **Odysseus visits “the abode of departed spirits,” a gloomy world of murky darkness** where he meets, among others, the disembodied spirits of his dead mother and the heroes Agamemnon, Achilles and Ajax. Achilles, who in the story rules in this realm of the dead, recognizes Odysseus and **laments that he would rather have stayed on earth as the most impoverished slave than rule over all the spirits in this dreary and depressing underworld.** (<http://www.ucg.org>)

В данном фрагменте речь идет лишь об одной из известных нам историй о схождении человека в ад (широко известны также мифологические сюжеты об Орфее и Эвридике, о Касторе и Полуксе, к тому же, существует представление о том, что Иисус Христос и пророк Мухамед путешествовали в ад). В настоящий момент определить, какой из библейских или мифологических сюжетов послужил исходной моделью, используемой ныне для описания определенного человеческого опыта, вряд ли представляется возможным. Однако мы можем установить некоторые определяющие характеристики этой ситуации, которые сделали возможным использование этой модели применительно к человеческому опыту. Прежде всего, Одиссей в приведенном отрывке попадает в место, характеризующееся как gloomy world

of murky darkness, что полностью соответствует значению слова *hell* 1. Ахилл, который, в отличие от Одиссея, не может вернуться обратно, говорит о том, что любой другой опыт он предпочел бы этому. Сам же Одиссей находится в этом месте временно. Таким образом, исходную модель ситуации можно охарактеризовать так: «Герой попадает в ад, где ему приходится испытывать неприятные ощущения и (или) видеть неприглядные картины, однако, в конце концов, он возвращается из ада обратно целым и невредимым, приобретя весьма неприятные воспоминания о путешествии».

Среди ситуаций, описываемых с помощью идиомы *to hell and back*, весьма часто встречаются истории людей, поборовших опасную болезнь, избавившихся от наркотической зависимости или помогавших бороться с зависимостью близким людям, переживших смерть близких людей и т. п.

В двух последующих примерах речь идет о людях, поборовших рак:

1. For a fleeting moment, Katherine Rich, a magazine editor, lived in this golden world -- except of course she didn't know it was golden until the day she was transferred out, suddenly and irrevocably, **into the world of the old and dying**. She was 32 the day she discovered a lump in her breast. By the time she was 37, her disease was so far advanced that **the cancer was breaking her bones**. <...> At 38, she was "the only woman in the United States eager to reach 40."<...> Katherine Rich **survived her cancer**, but her memoir about it, "The Red Devil: **To Hell With Cancer -- and Back**," is not a book about triumphing over disease, nor is it a book about appreciating life around us. <...> Rather this is a book of **dizzying horror, a trip to hell**, as the title promises, narrated by a woman of sharp perceptions and no more delusions. (<http://www.nytimes.com>)

2. Having chemo was like **going to hell and back**... but I refused to die at 34. It was on the Friday that I learned I had cancer. The Monday was a Bank Holiday so I started the chemo on the Tuesday. **You can imagine what that weekend was like.** Immediately he thought of Paul Hunter, the so-called 'Beckham of the Baize' who died of cancer when he was 27. 'I'm not going to die at 34, am I?' wondered Carter. <...> What the Prof did say,' recalls Carter, 'is that he had cured people who had had it a lot worse than me. That was all he could say. **He couldn't say he could cure me. It is all individual.**

(<http://www.dailymail.co.uk>)

Опыт К. Рич, молодой женщины, узнавшей страшный диагноз, описан как нежеланное путешествие в мир старых и умирающих, и ад тоже, общеизвестно, характеризуется как мир мертвых. Ее дальнейший опыт (симптомы болезни, острые негативные эмоции) сопоставимы с муками, которые испытывают попадающие в ад (*hell* 1). Во втором отрывке описано

напряжение героя, вызванное неопределенностью, и она также является мучением для этого человека, как если бы это были муки ада. И, наконец, в обоих случаях болезнь побеждена («возвращение из ада»). По этим примерам хорошо заметно сходство исходной ситуации и ситуации, описываемой в тексте: они как бы развиваются по одному сценарию, что и делает возможным использование исходной ситуации для описания человеческого опыта. Кроме того, каждое слово в составе идиомы сохраняет присущее ему значение, таким образом, словосочетание *to hell and back* не подвергается какому бы то ни было переосмыслению, вопреки устоявшимся представлениям.

В следующем отрывке трудности, с которыми пришлось столкнуться паре, решившей усыновить мальчика-иностранца, тоже характеризуются как *hell 1*:

Cuddling Alex, Mary said her 10,000 two-year legal battle had been worth it. Then she warned other couples about **the dangers of adopting a child from abroad**. Mary's **ordeal included a 4am raid on her home by Scotland Yard and social workers convinced she had kidnapped Alex and smuggled him into England from Cyprus**. Days later tests revealed Alex was severely mentally handicapped. This week a High Court judge awarded Mary and husband Andreas full custody of their beloved son.' We have been **to hell and back** but the love of this little boy has kept us going,' said Mary, 35, yesterday.' Our experience should be a warning to all couples thinking of doing what we did. We were sure we had done nothing wrong.'

Героиня этой истории прошла через ряд испытаний, которые характеризуются ею как адские мучения (*we have been to hell and back*), и которые закончились, но оставили неизгладимый след в памяти. Таким образом, данная идиома применима только к тем случаям, когда речь идет о крайне неприятном опыте, который завершился благополучно. Также необходимо отметить, что некоторые компоненты идиомы варьируются (*go/be to/through hell and back*), что опровергает идею о неразложимости идиомы.

Обратимся теперь к русскому варианту идиомы - пройти все круги ада. Словарь Федорова предлагает следующее определение: «испытать невероятные трудности; выдержать тяжёлые испытания». В сущности, эта дефиниция достаточно точно показывает коренное отличие русского

варианта от английского: человек может характеризовать какую-либо жизненную ситуацию как «прохождение через все круги ада», находясь внутри этой ситуации или благополучно ее миновав, тогда как английская идиома подразумевает, что негативный опыт остался позади.

В качестве исходной модели ситуации рассмотрим следующий пример, взятый с одного из христианских форумов:

Христианское религиозное Предание утверждает: каждая грешная душа /дух/, чтобы очиститься от грехов, должна **пройти семь очистительных кругов ада**. Зная, что «справедного нет ни одного – все согрешили и лишены Славы Божьей», смеем утверждать: **семь очистительных кругов ада – неизбежный удел всех, без исключения, детей Божьих**.

(<http://www.evangelie.ru>)

В «Божественной комедии», как известно, упомянуто 9 кругов ада, расположенных в виде воронки, основание которой – в центре земли, через которые приходится пройти герою Данте, и в каждом них он наблюдает немыслимые и разнообразные мучения грешников. По всей видимости, авторская интерпретация Данте католической концепции не является исходной моделью для русскоязычной идиомы, логичнее заключить, что некоторые представления об устройстве ада характерны как для католического, так и для православного дискурса и имеют общее (библейское) происхождение. Эти представления и зафиксированы в языке носителей русского языка. Что же до количества кругов, оно определяется количеством смертных грехов (а их, как известно, семь), и именно столько различных испытаний приходится пройти человеку для очищения, в соответствии со Священным Писанием. Впрочем, для нас наибольший интерес представляет то, что этих кругов много и на каждом из них человека ожидают разнообразные и мучительные испытания.

Чтобы выявить, как исходная ситуация – прохождение через круги ада – накладывается на другие ситуации, как и прежде, рассмотрим примеры, взятые из различных Интернет-источников:

Выжить в Гулаге. Рассказ 100-летнего рекордсмена, **прошедшего все круги ада**.

На Василия Ивановича написали донос. Якобы он ругал политику Сталина, восхвалял Троцкого. В октябре 1937-го года ночью его арестовали и увезли в тюрьму, до отказа забитую отчаянными, ничего не понимающими людьми. Следователи в прямом

смысле выбивали из Крапивина признание. В камеру его принесли окровавленного и без сознания.<...> Охранники очень любили издеваться над заключенными, - вспоминает пенсионер. – Как-то раз нас повели в столовую. Проходили огромную лужу, уже чуть подернутую тонким ледком (дело было поздней осенью), и охранники приказали всем лечь в эту лужу. Якобы за разговоры. <...> Такие же «забавы» у сторожей были, когда мы выходили в туалет. Многие не выдерживали, простужались и умирали. Меня, наверное, спасло только крепкое здоровье.

(<http://www.kuban.aif.ru>)

В статье рассказывается о пенсионере из Сочи, который в 90 лет бегал трусцой в любую погоду, а в 100 совершил рекорд, проплыв 50 м. Он сообщает интервьюеру о том, что 12 лет провел в заключении по вине сталинского режима. Изощренные издевательства, непосильная работа, камера на 12 человек, в которую помещали по 40 заключенных – это отнюдь не полный список всех мучений, через которые ему пришлось пройти.

«Прохождение кругов ада» характеризуется продолжительностью во времени: инженер получил свободу через 12 лет, матери инвалида из следующего отрывка понадобилось 5 лет, чтобы получить жилье:

Пройти все круги бюрократии

В Петербурге создан прецедент. Одинокая мать с ребенком-инвалидом смогла победить систему. Для этого ей, правда, **понадобилось более пяти лет**. Причина борьбы — отдельное жилье, которое 9-летнему сыну полагается по федеральному законодательству. Для того чтобы его получить, Надежда Ершова **писала письма президенту страны, главам российского и городского правительств, в прокуратуру**. Женщина подсчитала: чтобы ей пройти все без исключения инстанции, понадобилось бы еще два с половиной года. **Но неожиданно проблема разрешилась.** <...> Сыну принадлежит полкомнаты в коммунальной квартире на улице Декабристов. Чиновники считают, что такой жилплощади достаточно, чтобы обеспечить инвалиду достойную жизнь. **Дом без пандусов и лифтов. На 4-й этаж мама поднимает ребенка на руках вместе с коляской.** Коммунальная квартира шестикомнатная. В каждой живет по несколько человек. **Чтобы попасть на кухню или в места общественного пользования, приходится записываться в очередь.** А в силу заболевания сына в ванну можно стоять круглосуточно.

(<http://malinteso.livejournal.com>)

Здесь, как и предыдущем случае, человеку пришлось пройти через немыслимые испытания, которые все же завершились благоприятным исходом. Особый интерес представляет вариант идиомы, поскольку он свидетельствует о том, каким образом исходная ситуация накладывается на ситуацию в тексте: бюрократический механизм осмысляется как адские сферы. Возможность варьирования идиомы свидетельствует о том, что она

разложима на составляющие, и замена ее отдельных компонентов не влияет на то, как исходная модель реализуется в контексте. Также нами обнаружено много вариантов, которых вместо инфинитива «пройти» употреблены личные глагольные формы: прошедший, прошли и т. п.:

Вчера в 15 часов чартерным рейсом из оманского города Салала в аэропорт Борисполь прилетели побывавшие в плену у сомалийских пиратов моряки судна Lehmann Timber. Среди них четверо украинцев и один россиянин.<...> Мы **прошли все круги ада**, - сказал Валентин Барташев. - И уже не верили, что вернемся домой. - Нас не били, - рассказывает капитан Валентин Барташев. - Но мы почти все время были заперты в помещении площадью 9 квадратных метров и подвергались постоянному моральному прессингу. Особенно было страшно, когда во время ремонтных работ на судне случайно выпал за борт и утонул один из пиратов. Нас тут же обвинили в его смерти!
(<http://kr.ua>)

Как уже упоминалось, русскоязычная идиома применима как к тем ситуациям, когда человек уже прошел множество испытаний, так и к тем, когда он все еще продолжает их проходить, как, например, в следующем фрагменте:

Здравствуйте! У меня история такая. У меня есть дочь, которая 18 лет отравляет мне жизнь. Употребляла наркотики на протяжении многих лет, полгода назад перешла на алкоголь. За эти годы я **прошла все круги ада** - больницы, ломбарды, милиция, кредиты. Я вообще не понимаю, как я живу до сих пор. Вся душа порвана на кровавые куски. Спасают только работа и старенькая больная мама. Но сейчас нет больше сил. Я хочу, чтобы моя дочь умерла и дала мне пожить хоть несколько лет спокойно и дала мне достойно проводить маму. У меня к ней не осталось ни жалости, ни любви. Одна БОЛЬ.
(<http://www.pobedish.ru>)

По всей видимости, под «кругами ада» автор подразумевает не только учреждения, но и все остальные страдания, через которые ей пришлось пройти. Таким образом, исходная модель, зафиксированная в англоязычной идиоме, предполагает, что человек преодолел испытания, тогда как исходная модель ситуации, представленная в русскоязычной идиоме – отнюдь не обязательно.

2.2.3. full of Old Nick, full of the devil - бес сидит в ком, бес вселился в кого

Как уже упоминалось, помимо «явных» идиом, во фразеологических словарях встречаются и единицы, статус которых сомнителен в свете семантико-контекстологического подхода. К числу таких единиц относится и словосочетание *full of Old Nick, full of the devil*, которое, на первый взгляд, ничем не отличаются от идиоматических выражений и именно так и рассматривается составителями фразеологических словарей. Так, *the American Heritage Dictionary* толкует «идиому» *full of Old Nick/the devil* следующим образом: «*always making mischief*». В действительности, словосочетание *full of Old Nick/the devil* не является идиомой: во всех обнаруженных контекстах оно относится к ситуации в тексте, тогда как идиома вводит в текст иную ситуацию, реализуя тем самым свой иносказательно-оценочный потенциал.

Обратимся сперва к некоторым контекстам его употребления:

1. There's a church in Harlem that preaches derogatory things about gays and lesbians. Hey, that's their right. But some folks in the neighborhood don't like all the hatred spewing from this Christian congregation, and so last week they held a public demonstration, as is their right. They walked in front of the church chanting: "Stop the hate now!" In response to their chanting, the church's leader, Pastor James David Manning, came out to confront them. "You are Jesus haters!" he yelled. "You faggots! You lesbos! You dungeaters! You perverts!... You are wretched, unbelievable, despicable — a disgrace to humanity!" And then he explained to them that they were **full of the Devil. They were possessed by demons.** "Stop the demons now!" he yelled. (<https://www.psychologytoday.com>)
2. Can we do that when disaster (large or small, man-made or God-allowed) comes our way? Yes, we can. Do we? No! What is our first reaction? We usually question or blame God. We cry about it not being fair. That's what Job's wife did. Why? Because **she was full of the devil.** And so are we when we do the same thing. (<http://www.1timothy4-13.com>)

Во всех подобных примерах речь идет об одержимости демонами или дьяволом, иными словами, реализуется один из ЛСВ слова *devil* («злая сверхъестественная сила»), и какие-либо внешние по отношению к тексту ситуации, с которыми бы устанавливалась аналогия, отсутствуют. Аналогичным образом, в следующих контекстах реализуется еще одно значение слова *devil* («качество высокой интенсивности, связанное с проявлением энергии»):

1. After kindergarten, Jackie started first grade at Miss Chapin's School on East End Avenue in New York. One of her teachers, Miss Platt, thought Jackie was "a darling child, the prettiest little girl, very clever, very artistic, and **full of the devil**." At times she **did get into mischief** and would be sent to the headmistress, Miss Ethel Stringfellow, who wrote on her report card: "Jacqueline was given a D in Form because her disturbing conduct in her geography class made it necessary to exclude her from the room." (<http://www.jfklibrary.org>)
2. "As a general rule, librarians are a kick in the pants socially, often full of good humor, progressive, and naturally, well read. They tend to be generalists who know so much about so many things that they are quite the opposite of the boring old poops they have been made out to be. Most of them are full of life, some even **full of the devil**." (Bill Hall).

Нетрудно заметить, что именно к словосочетаниям такого вида отсылает нас дефиниция англоязычного словаря идиом («making mischief»); однако отличия от предыдущих примеров объясняются вовсе не переосмыслением словосочетаний в последних случаях, а тем, что реализован другой ЛСВ того же слова. И, как и в предыдущих случаях, рассматриваемое словосочетание не отсылает нас к какой-либо ситуации за пределами текста, а описывает ситуацию в тексте.

Контексты со словосочетанием *full of Old Nick* встречаются значительно реже, причем сложное слово *Old Nick*, очевидно, не является полным синонимом слова *devil*, а лишь одного из его ЛСВ:

1. Fourteen short stories capture the quirky and peculiar behavior of horses, both good and ornery. You'll meet buckers, tricksters, and trusted partners: Bearcat is "not just a plain crazy hardheaded bucker...but a wise, coolheaded cross between a whirlwind and a ton of brick," Joker is "**full of old nick** and plenty of snorts," and Little Eagle is the "seeing eye" for a blind cowboy. (<https://www.goodreads.com>)
2. I sat next to Teddy and Jack sat across from me ... Teddy was such a rosy-cheeked little boy. Very good looking, **full of Old Nick**, a great teaser with a ready laugh, and eyes that never stopped flirting. But he had nowhere near the charm and sophistication or just plain likability of Jack. He was the baby brother walking in his older brother's shadow. (<https://www.goodreads.com>)

Трактовка русскоязычной единицы, предлагаемая фразеологическим словарем Федорова («О том, кто проявляет упорство, упрямство, нежелание считаться с кем-либо или с чем-либо») не выдерживает критики; контексты свидетельствуют о том, что человек, в которого вселяется бес, проявляет не

только упрямство, но и ряд других негативных эмоций (в частности, активную злобность, совершенно необъяснимую логикой здравого смысла):

Сергея рвался, орал благим матом, лягался и пытался даже кусаться, словно в него **бес вселился**.

Кроме того, обнаруживаются и контексты, в которых речь идет о неодушевленных предметах:

Какой-то **бес вселился** в гостиницы, и теперь там никогда нет свободных мест.

По всей видимости, прототипической ситуацией, которая посредством идиомы соединяется с другими ситуациями, можно считать религиозные представления и народные поверья:

Характер беснования и степень болезненности зависит и от демона, который вселился, ибо они имеют разную силу и не одинаковую свирепость: «иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить только тела их, в коих вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдали и поразить их жестокими ударами»

(<http://www.pravoslavie.ru>)

Во всех описаниях якобы имевших место случаев одержимости, люди, в которых вселяется бес (бесы), меняются в худшую сторону до неузнаваемости (они ведут себя агрессивно, что в нормальном состоянии им не свойственно, и, по всей видимости, совершенно не владеют собой). Причем эти изменения происходят быстро, неожиданно и пугают окружающих. Именно эти особенности поведения одержимых бесами становятся исходной моделью, которая воспроизводится в других текстах. Так, в следующем фрагменте описаны неожиданные и неприятные для матери изменения, произошедшие с ребенком:

Начитавшись в книжках про кризис первого, третьего и седьмого года жизни, я совершенно не ждала подвоха в полтора года. В девчонку натурально **вселился бес** – ничем другим я не могу объяснить происшедшую метаморфозу. И теперь уже я сама почти каждый день шла по улице с каменным лицом, позади меня шло **вопящее как парходная сирена, перемазанное соплями существо**, от которого я уже была готова отказаться, дескать: «Не мой это ребёнок, так...приблудился по дороге».
(<http://www.rastem.ru>)

Необходимо отметить, что, хотя в таких примерах речь не идет о подселенцах, как в религиозном контексте, семантика слова бес («опасное, неконтролируемое существо») полностью сохраняется:

1. Евдокия Германова долгие годы молилась о ребенке, а затем взяла мальчика из детдома. Маленького Колю актриса полюбила как родного, но вслед за радостью пришли беды. Оказалось, что биологическая мать ребенка колола наркотики вплоть до самых родов. Последствия стали проявляться во все более страшных формах. По словам актрисы, когда в мальчика **«вселился бес»**, его **любимой игрушкой стал кухонный нож**. Германова всерьез **боялась, что приемный сын ее убьет**. Когда не помогли ни врачи, ни молитвы, Николая пришлось вернуть в детдом.
(<http://www.ntv.ru>)

2. В жителя Топчихи **«бес вселился»**, заставив его искромсать ножом односельчанина

По данным следствия 22 декабря 2015 года в одном из сел Топчихинского района возник конфликт между собутыльниками. Перепив «бисовой воды», один из пьянчужек **трижды ударил ножом 34-летнего односельчанина. После того, как потерпевший выбежал на улицу, подозреваемый догнал его и нанес еще 23 удара ножом по телу**. От полученных ранений мужчина скончался на месте.
(<http://новостиалтая.рф>)

Таким образом, в отличие от английского варианта, русское выражение является идиомой, поскольку существует такая ситуация, с которой оно устанавливает аналогию.

Анализ русскоязычных и англоязычных контекстов позволяет поставить под сомнение эквивалентность этих двух рассматриваемых выражений, поскольку они описывают абсолютно разные сферы человеческого опыта (особенно показательны примеры, содержащие характеристики детей: чрезмерная шаловливость в англоязычных контекстах и непредсказуемое, необъяснимое поведение в русскоязычных контекстах).

2.2.4. go to hell in a bucket, go to hell in a hand basket - лететь (полететь) к черту (к чертям)

Рассмотрим также два выражения, зачастую используемых в качестве переводных эквивалентов. Английский вариант в словаре Dictionary of American idioms and Phrasal Verbs трактуется следующим образом: «to get rapidly worse and worse». Несмотря на то, что данное идиоматическое

выражение являет собой яркий пример так называемой «непрозрачной» (opaque) идиомы, поскольку ее происхождение установить не представляется возможным, это не препятствует выявлению исходной модели ситуации. Обратимся, например, к следующему отрывку:

'Going to heaven in a wheelbarrow' was a euphemistic way of saying 'going to hell'. The notion of **sinner being literally wheeled to hell in barrows or carts** is certainly very old. The mediaeval stained glass windows of Fairford Church in Gloucestershire contain **an image of a woman being carried off to purgatory in a wheelbarrow** pushed by a blue devil (<http://www.phrases.org.uk>).

По всей видимости, существует представление о том, что в ад человек отправляется не по доброй воле и что его туда доставляют на каком-либо транспортном средстве, которое в полной мере соответствует пункту назначения (оно совершенно не приспособлено для поездок). Именно поэтому во всех существующих (или существовавших, но вышедших из употребления) вариантах этой идиомы обнаруживаются такие абсурдные «транспортные средства», как корзина (handbasket), ведро (bucket), тачка (wheelbarrow), телега (cart). При этом только тачка и телега предназначены для перевозки предметов и имеют колеса, однако сами по себе они не поедут (их необходимо толкать или тянуть за собой). Единственная возможность «поехать» в тачке, ведре или корзине – пустить их под гору, однако такое путешествие не может завершиться благополучно, потому что сидящий внутри человек не контролирует ситуацию: тачка (ведро, корзина) на большой скорости могут перевернуться, сломаться и так далее.

В соответствии с данными СОСА, вариант идиомы со словом bucket встречается намного реже (нами обнаружено 1 употребление этой идиомы со словом bucket и 82 употребления со словом handbasket). Проанализируем несколько примеров из корпуса:

1. The city has gone **to hell in a handbasket** as far as the streets are concerned; **I've never seen so many potholes.**
2. Things just went **to hell in a handbasket** with the roads," she said. "**It started sleeting over and icing very quickly.**

3. Mr. Gore really believed that the world was going **to hell in a handbasket**; **that human beings were a plague on the earth**; **that soon there would be standing room only on the planet**; **and that the earth was running out of just about everything that sustains life**.
4. While the Schlieffen Plan unfolded in the West, the operational situation in East Prussia was going **to hell in a handbasket**, as **the Russian army had moved earlier than expected**.
5. With a good part of Europe going **to hell in a handbasket**, of **ethnic and religious bloodshed**, we've decided to visit a place where, if people don't exactly love their neighbors, they at least live in peace with them.

Нетрудно заметить, что все ситуации, описываемые в рассмотренных примерах, объединяет одно обстоятельство: человек теряет контроль над обстоятельствами, и они стремительно развиваются по неблагоприятному сценарию: в примерах (1) и (2) состояние дорог угрожает стабильности движения, что, в свою очередь, чревато опасностями для пешеходов и автомобилистов; в примере (3) описаны необратимые изменения, происходящие на планете, угрожающие человечеству уничтожением; в примере (4) срывается план военной операции, и дальнейшие военные действия развиваются спонтанно; в примере (5) с помощью идиомы характеризуются вышедшие из под контроля социальные проблемы.

Что касается русскоязычного словосочетания «лететь к чертям», которое словарь Тихонова причисляет к фразеологизмам, оно, по нашему мнению, таковым не является. Очевидно, слово «лететь» принадлежит ситуации, описываемой в тексте, что подтверждается как при рассмотрении структуры значения слова «лететь», так и при анализе контекстов употребления этого слова и словосочетания «лететь к черту». Толковый словарь русского языка Ожегова – Шведовой в качестве одного из значений слова «лететь» предлагают следующее: «ломаться, нарушаться», и практически также фразеологический словарь Тихонова трактует фразеологизм «лететь к черту» («уничтожаться, пропадать, рушиться»).

В следующем примере реализовано это значение слова «лететь» вне рассматриваемого словосочетания:

Планы летят в трубу. Сумбурный пост

В последнее время на меня напала хандра, лень, отсутствие мотивации и т.д. и т.п. Короче, проекты, спорт и учёба стоят. Даже блог не обновляется. Всё замерло, лишь я периодически пытаюсь бороться с собой и начинаю всё заново. Даже заказчики куда-то пропали и не напоминают о себе, поэтому приходится искать мотивацию в одиночестве. (<http://neverlex.com>)

Также во многих контекстах обнаруживается словосочетание «катиться к чертям», где, как и в предыдущем случае, реализуется одно из значений слова «катиться»:

Трудные времена: не делай этого, когда все катится к чертям

Трудные времена бывают в жизни каждого чувака. Ты принимаешь неверные решения и впадаешь в глубокое уныние. Иногда ты сам во всем виноват, а иногда множество разных факторов повлияли на твою жизнь и вылились в жизненные трудности. (<http://surfingbird.ru>)

Таким образом, глагольный компонент предполагаемой идиомы относится к ситуации в тексте, что позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое словосочетание идиомой не является.

2.2.5. Between the devil and the deep blue sea – между двух огней

В данном разделе мы рассмотрим англоязычную идиому «between the devil and the deep blue sea» и сравним ее с русским вариантом «между двух огней», который, хоть и не содержит слова черт или его синонимов, регулярно используется для перевода данной идиомы (например, «Nepal Between the Devil and the Deep Blue Sea» - «Непал между двух огней» в английской и русской версиях заголовка статьи).

Oxford dictionary of Idioms значение рассматриваемой английской идиомы характеризует следующим образом: «In a difficult situation where there are two equally unpleasant choices». Нам представляется, что эта характеристика соответствует употреблению данного идиоматического выражения в речи, о чем свидетельствуют контексты.

Что касается модели исходной ситуации, весьма вероятно, что она представляет собой общеевропейский культурный сценарий:

People <...> can point back to Greek mythology for an earlier version of the idea of being caught between evil and the sea. Homer's *Odyssey* refers to Odysseus being **caught between Scylla (a six-headed monster) and Charybdis (a whirlpool)**. (<http://www.phrases.org.uk>)

Нам представляется, что devil, который стал главным олицетворением зла в христианской культуре, заменил собой разнообразных языческих чудовищ, в данном случае, Сциллу; тогда как морское дно в фольклоре моряков было местом обитания злобного духа морей, Davy Jones, и, очевидно, морская стихия со всеми ее катаклизмами находилась в сфере его влияния. Более старый вариант со Сциллой и Харибдой, существующий во многих европейских языках, восходит к поэме Гомера «Одиссея», герой которой оказывается в безвыходном положении, будучи вынужден пройти на судне меж двумя скалами, которые находились на расстоянии полета стрелы друг от друга и служили местопребыванием двух чудовищ (по всей видимости, английская идиома «between rock and hard place» тоже восходит к этому древнегреческому мифологическому сюжету). Любопытно, что оба эти варианта были опасны, но каждый по-своему: Сцилла разом пожирала шесть человек, и предугадать, кто станет жертвой, было невозможно, тогда как Харибда уничтожала разом весь корабль. В итоге, герою все же приходится сделать выбор в пользу меньшего из двух зол (Сциллы), потеряв шестеро друзей, но сохранив жизнь всем остальным и продолжив путь.

Таким образом, исходная модель ситуации такова: человек оказывается в ситуации, когда ни один из двух возможных вариантов не может завершиться благополучно, однако он вынужден принять решение в пользу одного из них, и избежать этого решения невозможно (третьего пути не существует).

В следующем отрывке президент Ирана оказывается как раз перед таким выбором: вне зависимости от того, какое решение будет им принято, Ирану грозит обострение дипломатических отношений с тем или иным государством:

Between The Devil And The Deep Blue Sea: Syria Presents Iran's Moderates With Tough Choices

The world is not wasting any time in demonstrating to Iran's new president, Hassan Rouhani, the difficulties of navigating a moderate course within a region deeply engulfed in turmoil. The intensification of Syria's simmering horror, and the sudden urgency surrounding Western military intervention against the Islamic Republic's oldest ally, confronts Rouhani's embryonic administration with an **excruciating dilemma: either distance Iran from Damascus — the regime's only durable ally — or risk putting Tehran on the wrong side of a shooting war with Washington and Europe**

(<http://www.brookings.edu>).

В аналогичной ситуации находится правительство маленького Непала, поскольку вне зависимости от того, в чьей сфере влияния это государство окажется, отстоять свою независимость ему будет очень непросто (если возможно). Употребление идиомы в этом контексте интересно еще и тем, что Непал, в самом деле, расположен между Китаем (с севера) и Индией (с юга), таким образом, Непал оказывается «зажат» между двумя государствами и двумя непростыми альтернативами:

Nepal Between the Devil and the Deep Blue Sea

Nepal is a small country caught as if between two **fires, between two Asian giants – China and India**. As you know, India is a China's main rival in Asia. Among other disputes, for many years now they have been competing for influence in Nepal. Both China and India are not averse to acquiring a zone of influence on their competitor's doorstep. At the same time, both countries try their hardest to hinder the independence of Nepal. It seems that we are now witnessing another escalation of geopolitical confrontation, which is associated with a number of events that occurred in Nepal in the last year.

(<http://journal-neo.org>)

Наконец, в следующем фрагменте положение Великобритании описано как крайне затруднительное, поскольку и в случае выхода из состава ЕС, и в случае, если страна останется в его составе, она потерпит убытки:

EU referendum is 'choice between the devil and the deep blue sea', senior business leader warns

At the British Chambers of Commerce (BCC) annual conference in London, BCC director-general John Longworth is expected to urge business owners to look at the wider picture before casting their vote. «The people of our country now face **a choice, between staying in what is essentially an unreformed European Union, with the Eurozone moving off in another direction and with Britain sitting on the margins; or leaving the European Union, with all the near-term uncertainty and disruption that this will cause,**» he will say. «Undoubtedly **a tough choice**. You might say, a choice **between the devil and the deep blue sea**» .

Русский вариант идиомы словарем Тихонова трактуется как «положение, когда опасность грозит с двух сторон». В самом деле, анализ примеров свидетельствует о том, что предлагаемое определение вполне соответствует реальному функционированию идиомы в тексте.

В качестве ситуации – модели может выступать любая ситуация, в которой человеку приходится проходить между двумя ярко пылающими кострами (например, существует представление о том, что русским князьям приходилось претерпевать подобное испытание перед встречей с монгольскими ханами). Огни, между которыми человек проходит, совершенно одинаковы и представляют собой равную опасность, поэтому выбрать меньшее зло просто невозможно, и ситуация зачастую оказывается безвыходной.

Во всех следующих контекстах человек оказывается в безвыходной ситуации (или ситуации, которая таковой кажется действующим лицам) в силу двух угнетающих факторов:

1. После потери моста он оказывался **между двух огней, пришитый к узкой полоске берега, с немцами за спиной**. Если догадается сегодня же ночью попробовать прорваться на восток, может, что-нибудь и вытащит, а не догадается — пропал!
2. Из одного Тайного Общества — в другое: **в одном — люди без Бога, в другом — Бог без людей**; а я между сих двух безумств, как **между двух огней**.
3. Бедный Морис был **между двух огней: с одной стороны, раздраженная мать, так много выстрадавшая из-за него и считавшая себя вправе получить от него вознаграждение за эти страдания, с другой — страстно любящая женщина, бросившая ради него богатого, знатного покровителя**.
4. Население буквально живёт **между двух огней**, когда выбирать приходится лишь между тем, кто тебя будет грабить — боевики или те же боевики, но в форме федеральных силовых структур.

В отличие от ситуаций, описываемых с помощью английской идиомы, в которых человек оказывается перед затруднительным выбором, здесь выбор зачастую оказывается мнимым (в этом смысле особенно показателен пример (4)). Таким образом, русский вариант идиомы характеризует не ситуации проблематичного выбора, а сложные, безвыходные ситуации.

2.3. Сравнительный анализ идиоматического репертуара со словами *devil, hell, черт, ад* и их квазисинонимами в английском и русском языках

В данном разделе исследования мы предлагаем несколько гипотез относительно культурной специфики рассматриваемых идиоматических выражений. Необходимо отметить, что мы не можем быть уверены в том, что фразеологические словари предлагают полный набор идиом, существующих в языке. Кроме того, неизвестно, идиомы какого языка более употребительны, поэтому мы опираемся лишь на простые числовые показатели.

Среди 24 английских и 28 русских выражений со словами *devil, hell, черт, ад* и их квазисинонимами (частичными синонимами), содержащихся в англоязычных и русскоязычных фразеологических словарях, нами обнаружено лишь 4 потенциальных эквивалента в идиомы (эти выражения обладают сходной лексической структурой и сходным иносказательным значением). Анализ контекстов этих выражений показывает, что в 2 случаях из 4 одно из двух выражений не является идиомой («full of the devil», «лететь к черту») и что в оставшихся 2 случаях (пары «sell your soul to the devil» - «продать душу дьяволу/черту» и «go to (or through) hell and back» – «пройти все круги ада») можно говорить лишь о сходстве, но не об эквивалентности.

Идиомы «go to (or through) hell and back» и «пройти все круги ада» реализуют разные прототипические сценарии, что определяет различное их употребление в контекстах; идиомы «sell one's soul to the devil» и «продать душу дьяволу/черту» реализуют один и тот же сценарий, но прагматика употребления этих идиом в тексте различается, что может быть обусловлено семантическими различиями слов *devil* и *дьявол/черт*, либо различным отношением к религиозным представлениям. Мы предполагаем, что одним из наиболее значимых семантических различий указанных слов является наличие следующего значения у слова *черт*: «злая сверхъестественная сила, которая причиняет вред человеку, если находится вне его контроля, и

приносит определенную выгоду, если человек обретает над ней власть». Возможность отношения к злой сверхъестественной силе как к контролируемой рождает иронические смыслы и влияет на особенности функционирования идиом со словом *черт* в контексте. Как уже было отмечено при анализе слова *devil*, уничижительно-насмешливое употребление этой лексемы возможно лишь по отношению к человеку, несмотря на то, что она используется для называния как «высших», так и «низших» злых сверхъестественных сил.

Русскоязычные идиомы характеризуют взаимодействие человека с дьяволом/чертом/бесом как более бесстрашное, активное и двустороннее: злобное существо совершает активные действия, направленные против человека (это зафиксировано в таких идиомах, как «бес в ребро», «черти горох молотили на ком», «черт/бес вселился в кого», «черт/бес дернул за язык кого», «на лице черти в свайку играли»); и человек совершает ответные действия, на что указывают идиоматические выражения «поймать черта за хвост», «лезть черту на рога/в зубы», «вывернуть черта наизнанку», «к черту на кулички». Одним словом, человек «знается» с чертом/бесом (но не с дьяволом). Эти полувредительские-полуприятельские отношения запечатлены в идиомах потому, что идиоматические выражения состоят из слов, реализующих свои значения в контексте; и отмеченные нами особенности присущи не только идиомам, но, в первую очередь, словам *черт* и *бес*, и только поэтому они характерны для идиом с рассматриваемыми словами.

Среди англоязычных выражений, представленных в списке, немного чаще встречаются выражения со словом *hell* (13 словосочетаний со словом *hell* из 24 обнаруженных в словарях), тогда как среди русских выражений преобладают выражения, содержащие слова *дьявол*, *черт*, *бес* и их квазисинонимы (со словом *ад* обнаружено всего 3 выражения из 28). Можно сделать предположение о том, что для русской языковой картины мира более характерно представление о взаимодействии со сверхъестественными

силами, существующими в одном пространстве с человеком, тогда как для англоязычной картины мира более релевантно существование иного пространства, отличного от того, в котором протекает жизнь человека.

Ряд англоязычных идиом из списка реализует сценарии вступления человека в деловые отношения со сверхъестественными злыми силами (devil): нами обнаружено 5 идиом (что составляет 21% от общего числа выражений из списка), характеризующих отношения человека с этим существом как партнерские (devil to pay, give the devil his (her) due, devil's advocate, sell your soul (to the devil), sup (dine) with the devil). Для русского языка реализация этого сценария характерна в меньшей степени (нами не обнаружено подобных идиом, за исключением «продать душу дьяволу/черту», что составляет 4% от общего числа). При этом среди русскоязычных идиом более распространен прототипический сценарий лично-родственных отношений, реализуемый следующими 5 идиомами: «к чертовой бабушке/матери», «сатанинское племя», «чертов сын», «хоть черту в дядьки», «черту брат/не брат» (что составляет 18% от общего числа). Среди англоязычных идиом таковых не обнаружено.

Наш анализ русских и английских идиом показывает, что на вербальном уровне эквивалентность между ними отсутствует, несмотря на очевидное сходство некоторых агентивных структур (вступление человека во взаимодействие со злыми сверхъестественными силами). По всей видимости, о существовании семантических универсалий можно говорить лишь на уровне более общих текстовых структур. Во всяком случае, проблема определения уровня культурной специфичности заслуживает отдельного рассмотрения.

Выводы по главе 2

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Слова *devil*, *hell*, *дьявол*, *черт*, *ад* и их квазисинонимы полностью сохраняют свое значение в составе идиоматических выражений. Значение слов – компонентов идиомы влияет на употребление идиомы в контексте.
2. Толкования идиом, предлагаемые фразеологическими словарями, зачастую не отражают их иносказательно-оценочный потенциал во всей полноте, потому что эти толкования составлены без опоры на контексты употребления.
3. Идиомы устанавливают аналогию между некой исходной ситуацией и ситуацией в анализируемом тексте и, тем самым, проявляют свой иносказательно-оценочный потенциал.
4. Национальная специфичность проявляется на лексическом уровне, поскольку разные языки по-разному категоризируют действительность. Среди рассмотренных русскоязычных и англоязычных идиом отсутствуют точные эквиваленты в силу различия значений слов-компонентов.

Заключение

Анализ англоязычных и русскоязычных идиом со словами *devil*, *hell*, *черт*, *ад* и их квазисинонимами показывает, что эти слова полностью сохраняют свое значение в составе рассматриваемых идиоматических выражений. Структура значения слов *hell* и *ад* характеризуется полным сходством: человек, попадающий в ситуацию, характеризуемую словом *ад*, утрачивает контроль над своей жизнью и подвергается ужасным страданиям. Соотношение английского слова *devil* и русских слов *дьявол/черт/бес* не столь однозначно, в силу того, что английское слово более полисеманлично. Слово *devil*, помимо основного значения (злая разрушительная сила), обладает большим количеством расширений основного значения, в том числе, такими, в которых наблюдается существенная удаленность от него. Ближайшим эквивалентом основного ЛСВ английского слова *devil* является основной ЛСВ русского слова *дьявол*; слово *черт*, скорее, соотносимо с его производным значением. Национальная специфичность, таким образом, проявляется на лексическом уровне, поскольку разные языки по-разному категоризируют действительность.

Толкования идиом, предлагаемые фразеологическими словарями, зачастую не отражают их иносказательно-оценочный потенциал во всей полноте, потому что эти толкования составлены без опоры на контексты употребления. В действительности, анализ контекстов необходим, так как идиомы проявляют свой иносказательно-оценочный потенциал именно в тексте, устанавливая аналогию между исходной ситуацией и ситуацией, описываемой в тексте.

Среди 24 английских и 28 русских выражений со словами *devil*, *hell*, *черт*, *ад* и их квазисинонимами (частичными синонимами), содержащихся в англоязычных и русскоязычных фразеологических словарях, нами обнаружено лишь 4 потенциальных эквивалента в идиомы (эти выражения обладают сходной лексической структурой и сходным переносным значением). Анализ контекстов данных выражений показывает, что в 2

случаях из 4 одно из двух выражений не является идиомой и что в оставшихся 2 случаях предположение об эквивалентности рассматриваемых идиом не находит подтверждения.

Ряд англоязычных идиом из списка реализует сценарии вступления человека в деловые отношения со сверхъестественными злыми силами (*devil*), тогда как среди русскоязычных идиом более распространен прототипический сценарий лично-родственных отношений. Кроме того, русскоязычные идиомы характеризуют взаимодействие человека с дьяволом/чертом/бесом как более активное и двустороннее: злобное существо совершает активные действия, направленные против человека, и человек отвечает ему тем же. Наблюдаемые особенности возникают потому, что английское слово *devil* и русские слова *черт*, *бес*, *дьявол* сохраняют присущие им значения в составе идиом.

Список использованной литературы

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. - Л., 1963.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1989.
3. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 2001.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М., 2001.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
7. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.- С. 140-161.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. С. 37-297.
9. Дронов П. С. Лавровый венец и его виды: варьирование идиомы *почивать на лаврах* в русском, английском и испанском языках // Вестник Воронежского государственного университета – 2014 - №3.
- 10.Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М., 2003.
- 11.Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., Дубна, 1996.
- 12.Мацумото Д. Психология и культура. - СПб., 2003.
13. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
- 14.Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1998.
15. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М., 2007.
16. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.,1988.
17. Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

18. Толочин И. В., Лукьянова Е. А., Коновалова М. Н., Сорокина М. В. Учебник по лексикологии. - СПб., 2014.
19. Charteris-Black J. A prototype based approach to the translation of Malay and English Idioms. *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies* / S. Granger, J. Lerot, S. Petch-Tyson (Eds.). Amsterdam / NY., 2003. P. 123 – 141.
20. Chun L. A cognitive approach to UP/DOWN metaphors in English and Shang/Xia metaphors in Chinese. *Lexis in Contrast: Corpus-based approaches* / B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 151 – 174.
21. Cowie A. P. *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998.
22. Dobrovol'skij D. O., Piirainen E. Idioms: Motivation and etymology // *Yearbook of Phraseology*. Vol. 1. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 73-96.
23. Hanks P. *Lexical analysis: Norms and exploitations*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2013.
24. Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation: Phraseology and evaluative language*. New York / London: Routledge, 2011.
25. Ishida P. Contrastive Idiom Analysis. The case of Japanese and English Idioms of anger. *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 275 – 291.
26. Johansson S. Contrastive linguistics and corpora. *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies* / S. Granger, J. Lerot, S. Petch-Tyson (Eds.). Amsterdam / NY., 2003. P. 33 – 43.
27. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 2003.

28. Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English*. Amsterdam: Benjamins, 2006.
29. Lukjanowa E. A., Tolotschin I. V. *Smelling the red herring: A closer inspection of the true nature of English idioms*. Saint-Petersburg: 2013.
30. Moon R. *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-based Approach*. Clarendon Press, 1998
31. Neff van Aertselaer J. *Contrasting English – Spanish interpersonal discourse phrases. A corpus study*. *Phraseology in Foreign Language Learning and Teaching* / F. Meunier, S. Granger (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008.
32. Omazić M. *Processing of idioms and idiom modifications: A view from cognitive linguistics*. // *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 67-79.
33. Philip G. *Reassessing the canon: ‘Fixed’ phrases in general reference corpora* // *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 95-108.
34. Piirainen E. *Europeanism, internationalism or something else? Proposal for a cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms in Europe and beyond*. *Hermes, Journal of Linguistics* 35:45-75, 2005.
35. Piirainen E. *Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units*. New York: Peter Lang, 2012.
36. Piirainen E., Dobrovolskij D. *Figurative Language. Cross-cultural and Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam: Elsevier, 2005.
37. Salkie R. *Two types of translation equivalence*. *Lexis in Contrast: Corpus-based approaches* / B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 51 – 72.

38. Schonefeld D. Hot, heiß, and gorjachij: A case study of collocations in English, German and Russian. *Phraseology and culture in English* / P. Skandera (Ed.). Mouton de Gruyter. 2007. P. 137 – 175.
39. Sinclair J. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991.
40. Svensson M. A very complex criterion of fixedness: Non-compositionality // *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 81 – 93.

Список использованных словарей

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
3. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М., 2007.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
5. Merriam-Webster Online: [сайт]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 30.11.2016).
6. Oxford Dictionary of English: [сайт]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 30.11.2016).
7. Oxford Dictionary of Idioms, Ed.: J. Siefring. Oxford University Press, 2004.
8. Spears R. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. NY., 2005.
9. The American Heritage Dictionary of the English Language: [сайт]. URL: <https://www.ahdictionary.com/> (дата обращения: 30.11.2016).

Список источников примеров

British National Corpus: [сайт]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 10.03.2016).
Corpus of Contemporary American English (COCA): [сайт]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 12.03.2016).
<http://neverlex.com> (дата обращения: 12.02.2016)
<http://surfingbird.ru> (дата обращения: 08.03.2016)
<http://www.1timothy4-13.com> (дата обращения: 20.02.2016)
<http://www.barenakedislam.com> (дата обращения: 02.04.2016)
<http://www.brookings.edu> (дата обращения: 23.02.2016)
<http://www.churchpop.com> (дата обращения: 16.04.2016)
<http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 05.04.2016)
<http://www.evangelie.ru> (дата обращения: 01.05.2016)
<http://www.gotquestions.org> (дата обращения: 19.03.2016)
<http://www.jfklibrary.org> (дата обращения: 11.04.2016)
<http://www.journal-neo.org> (дата обращения: 12.03.2016)
<http://www.kp.ua> (дата обращения: 08.04.2016)
<http://www.kuban.aif.ru> (дата обращения: 10.03.2016)
<http://www.malinteso.livejournal.com> (дата обращения: 22.04.2016)
<http://www.ntv.ru> (дата обращения: 12.03.2016)
<http://www.phrases.org.uk> (дата обращения: 01.05.2016)
<http://www.phrases.org.uk> (дата обращения: 26.03.2016)
<http://www.pobedish.ru> (дата обращения: 22.04.2016)
<http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения: 10.04.2016)
<http://www.rastem.ru> (дата обращения: 01.03.2016)
<http://www.shoebat.com> (дата обращения: 25.02.2016)
<http://www.simonarich.com> (дата обращения: 19.03.2016)
<http://www.thetruthseeker.co.uk> (дата обращения: 20.03.2016)
<http://www.ucg.org> (дата обращения: 19.04.2016)
<http://новостиалтая.рф> (дата обращения: 19.03.2016)
<https://www.goodreads.com> (дата обращения: 21.04.2016)
<http://www.psychologytoday.com> (дата обращения: 02.03.2016)